

МАЙАРАНА МИСТЕРУ



БЕГЛАЯ ЖЕНА
ГЕНЕРАЛА
ДРАКОНОВ

Майарана Мистеру

Беглая жена генерала драконов

«Литнет»

2025

Мистеру М.

Беглая жена генерала драконов / М. Мистеру — «Литнет», 2025

СКИДКА 10% по промокоду НОВИНКА26Элара де Крест умерла в брачную ночь с ритуальным кинжалом в груди на алтаре родового склепа. Её муж, генерал Валиан де Крест, командующий драконьим легионом, лично позаботился о жертвоприношении. Вытер кровь с рук кружевным платком и ушёл, не оглянувшись. Вот только он допустил одну маленькую ошибку: тело выжило. А вместе с ним — я. Анна Соколова, врач скорой помощи. Десять лет ночных смен и ни одного выходного в новогоднюю ночь. Понятия не имею, как оказалась в чужом мире и чужом теле. Зато точно знаю: у меня шрам на груди, цена за мою голову, древняя магия в крови и очень злой муж, который не привык оставлять дела незаконченными. Бумажная книга на WB и OZON! Книга о Кассиане:

© Мистеру М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1	5
2	13
3	18
4	21
5	24
6	28
7	30
8	34
9	39
10	42
11	45
12	48
13	52
14	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

1

Холод.

Он проникал глубоко в душу. Могильный, липкий холод родового склепа, пахнущего сыростью, плесенью и старой кровью. Запах смерти — тяжёлый, сладковатый, с металлическим привкусом, который оседал на языке и забивался в лёгкие. Я знала этот запах. За десять лет работы на «Скорой» я чувствовала его сотни раз — в моргах, в квартирах, где неделями лежали одинокие старики, в подвалах, куда нас вызывали к бездомным. Но здесь он был иным. Древним. Голодным. Словно сам воздух жаждал крови.

Я пыталась вдохнуть, но лёгкие горели огнём. Каждый вдох давался с трудом, словно кто-то набил мне грудь раскалёнными углями. Диафрагма судорожно сокращалась, пытаясь протолкнуть хоть немного воздуха в сжавшиеся альвеолы. Руки и ноги были прикованы к алтарю тяжёлыми железными кандалами.

Шершавый камень царапал голую спину сквозь лохмотья свадебного платья. Несколько часов назад оно было белоснежным, расшитым жемчугом и серебряной нитью. Произведение искусства, достойное герцогини. Теперь от него остались грязные клочья, пропитанные потом и страхом. Корсет впивался в рёбра, не давая дышать. Подол, некогда пышный и длинный, превратился в грязные тряпки, свисающие с алтаря.

Я повернула голову, насколько позволяли оковы. Вокруг алтаря, выстроившись полукругом, стояли фигуры в чёрных балахонах. Их лица скрывали капюшоны, но я чувствовала их взгляды — жадные, нетерпеливые. Они ждали. Ждали моей смерти.

На стенах склепа плясали тени от десятков факелов. Огонь отбрасывал причудливые блики на древние барельефы со сценами жертвоприношений.

Надо мной возвышалось чудовище, которое только что стало моим мужем... и моим палачом. Генерал Валиан де Крест — Железный Герцог, Страж Северных Пределов, командующий Чёрным Легионом. Имён у него было много. Титулов — ещё больше. Но для меня он был просто убийцей.

В неверном свете факелов его лицо казалось неживым. Точёные скулы, прямой нос, тонкие губы, сжатые в жёсткую линию. Красивое лицо. Холодное, как мрамор надгробия. Тёмные волосы, рассыпающиеся по плечам и высокий лоб с едва заметным шрамом. Глаза серые, словно зимнее небо перед бураном, смотрели на меня без малейшего проблеска эмоций.

Ни жалости. Ни гнева. Ни сожаления. Только холодное, как бездна, равнодушие, с которым мясник смотрит на предназначенную для убоя скотину. Я была для него не человеком, а инструментом. Ключом к силе, запечатанной за Вратами. Средством для достижения цели.

Его чёрный мундир, украшенный серебряным шитьём и орденами, был безупречен. Ни пылинки, ни складки. Даже здесь, в этом проклятом склепе, пропахшем смертью, он выглядел так, словно собирался на императорский приём. На его плечах лежал тяжёлый плащ, подбитый темным мехом.

— Ты выполнила свой долг, Элара, — его голос был ровным, как лезвие ритуального кинжала, занесённого над моей грудью. Никаких эмоций. Никакого колебания. — Твоя кровь открывает Врата.

Кинжал в его руке сверкнул в свете факелов. Древний клинок, выкованный из тёмного металла, покрытый рунами, которые светились тусклым багровым светом. Артефакт. Реликвия рода де Крест, передававшаяся от отца к сыну на протяжении сотен лет.

— Валиан, прошу... — хрип вырвался из моего пересохшего горла. Губы потрескались, язык распух. Ужасно хотелось пить. — Прощу тебя... не надо...

Это была не я. Это кричала прежняя хозяйка тела, захлёбываясь животным ужасом. Элара де Крест, урождённая Морнингстар — наследница древнего рода, насильно выданная

замуж ради политического союза. Девочка, которая верила в сказки о любви. Девочка, которая до последнего надеялась, что выйдет замуж за любимого мужчину, а не за монстра, который в итоге ее убьет.

Но боль чувствовала я. Анна Соколова. Врач «Скорой помощи» с десятилетним стажем. Женщина, которая умерла в своём мире то ли от переутомления после суточного дежурства, то ли от инсульта, то ли от разрыва аневризмы, и проснулась в чужом теле с колото-резаным ранением в груди.

Кинжал опустился.

Удар был резким и болезненным. Лезвие с влажным хрустом вошло в плоть, пробивая кожу, мышцы, задевая рёбра. Слава богу, что не в сердце! Профессиональная часть моего сознания отметила: удар пришёлся левее и ниже. Плевральная полость. Возможно, задет край лёгкого. Пневмоторакс. При правильном лечении выживаемость около семидесяти процентов. При отсутствии помощи — смерть в течение нескольких часов от дыхательной недостаточности и кровопотери.

Кровь хлынула горячим потоком, заливая алтарь, мою грудь, его безупречный мундир. Тёмная. Почти чёрная. Странная кровь. Слишком густая, слишком тёмная для обычной человеческой. Что-то с ней было не так.

Валиан выдернул кинжал одним плавным движением. Боль взорвалась в груди новой волной, и я закричала. Или попыталась закричать, но из горла вырвался только булькающий хрип. Кровь заполняла лёгкое, мешая дышать.

— Встретимся на той стороне, — произнёс он, и в его голосе мне почудилась тень чего-то. Сожаления? Насмешки? Или просто скуки?

Он отвернулся, вытирая кровь с рук белоснежным кружевным платком, с вышитым фамильным гербом. Даже в этом жесте была какая-то оскорбительная небрежность. Словно он просто раздавил надоедливое насекомое.

Генерал шагнул к выходу из склепа, и фигуры в балахонах расступились перед ним, склоняя головы в почтительных поклонах. Факелы затрещали, когда он прошёл мимо, словно само пламя боялось его присутствия.

Он оставлял меня в темноте. Оставлял умирать свою новую жену. Наедине с древними богами, чьи каменные лики скалились со стен. Наедине с болью, которая пульсировала в груди, с каждым ударом сердца выталкивая из раны новую порцию тёмной крови.

Последнее, что я запомнила, прежде чем тьма поглотила сознание, — странное ощущение. Будто что-то древнее и голодное проснулось в глубине моей души. Что-то, что питалось болью и кровью. Что-то, что отказывалось умирать.

— Сдохни, тварь чешуйчатая! — я с криком подскочила на кровати, судорожно хватая ртом воздух.

Одеяло, сбившееся в ком, полетело на пол. Подушка каким-то образом оказалась на другом конце комнаты. Видимо, я швырнула её во сне. Сердце колотилось так, что рёбра трещали, готовые разлететься на куски. По спине катился холодный пот, пропитывая тонкую ткань ночной сорочки. Руки тряслись. В висках пульсировала тупая боль.

Темнота. Тишина. Запах сушёных трав и пыли. За окном привычно шумел ночной Грейхолд — город наёмников, воров и убийц. Столица всех тех, кому не нашлось места в приличном обществе Империи.

Где-то вдалеке лаяли собаки, реагируя на очередную пьяную драку. Чей-то хриплый голос горланил непристойную песню про трактирщицу и дракона — в подробностях описывая, чем они занимались в погребе таверны. Из соседней комнаты доносился храп Вельмы — моей соседки по дому, глухой старухи, которая утверждала, что в молодости была придворной куртизанкой.

Живая.

Я провела дрожащей ладонью по лицу, стирая пот, и инстинктивно прижала руку к груди. Там, под тонкой тканью ночной сорочки, бугрился уродливый шрам. Бледно-розовый, неровный, похожий на застывшую молнию. Память о ритуале. Её «свадебный подарок». Напоминание о том, что она должна была умереть.

Шрам слабо, едва ощутимо, пульсировал под пальцами. Иногда мне казалось, что я чувствую через него что-то. Но стоило сосредоточиться, как ощущение исчезало, словно его и не было.

— Опять... — выдохнула я, падая обратно на подушки. Потолок надо мной был знакомым — потрескавшаяся штукатурка, паутина в углу, которую я всё никак не могла достать, пятно от протечки, похожее на профиль какого-то бородатого мужика. — Полгода прошло, Валиан. Полгода! Мог бы уже и отстать от моей нервной системы.

Кошмар приходил с завидной регулярностью — три-четыре раза в неделю, иногда чаще. Всегда один и тот же. Холод склепа. Запах крови. Блеск ритуального кинжала. И его лицо — красивое, холодное, абсолютно равнодушное. Лицо человека, для которого убийство было просто ещё одним пунктом в списке дел.

Эти кошмары напоминали мне, что я Анна Соколова. Врач «Скорой помощи» с десятилетним стажем, три выговора за нецензурную брань в присутствии пациентов и одна благодарность от мэра за спасение его тёщи. И теперь живу в теле Элары де Крест. Официально мёртвой жены самого опасного человека в Империи.

Тело досталось мне вместе с некоторыми бонусами: знание языка (хотя акцент у Элары был аристократический, и мне пришлось учиться говорить попроще, чтобы не выделяться), базовые навыки этикета (абсолютно бесполезные в Грейхолде, где этикет заключался в том, чтобы не плевать в чужую кружку), и какие-то обрывки памяти — смутные образы, эмоции, лица.

А ещё тёмная магия. Та самая, что проснулась в момент ритуала и отказалась засыпать. Я до сих пор не понимала, как она работает и откуда взялась. Возможно, это был побочный эффект жертвоприношения. Возможно, наследие рода Морнингстар, о котором никто не знал. А может, это была цена, которую Врата взяли за мою новую жизнь.

Я села, свесив ноги с кровати. Деревянный пол был холодным под босыми ступнями. Спать уже не хотелось. После таких снов никогда не хотелось. Хотелось кого-нибудь убить. Желательно одного конкретного генерала с красивым лицом и отвратительным характером. Но под рукой была только кружка с остывшим травяным настоем. Валериана, пустырник, мята. Мой личный рецепт против бессонницы. Помогал как мёртвому припарки.

— Ладно, Аня, — сказала я себе, залпом выпивая горькую жижу. Язык свело от терпкости. — Ты выжила на дежурствах в новогоднюю ночь, когда на всю Москву было три бригады и двести вызовов. Выжила после того случая с пьяным сантехником, который размахивал топором и орал про инопланетян. Выжила после ритуального жертвоприношения в средневековом склепе. Выживешь и сейчас.

Я поставила кружку на тумбочку и добавила шёпотом:

— Главное, чтобы этот гад никогда не узнал, что у него руки растут из... альтернативного места, и добивать жён надо качественно. А то какой позор, генерал, командующий легионом, а простую девчонку прирезать не смог.

В дверь внизу требовательно забарабанили. Громко, нагло, по-хозяйски. Так стучат те, кто привык, что им открывают.

Я бросила взгляд на странное устройство на каминной полке, работающее на каких-то магических кристаллах. Начало пятого утра. До рассвета ещё часа полтора. Приличные люди в это время спят. Неприличные пьют в тавернах или режут друг друга в подворотнях.

— Кого там черти принесли? — проворчала я, накидывая халат и сунув ноги в стоптанные туфли. Халат был тёплый, из плотной ткани, неопределённого серо-бурого цвета. Марта подарила его мне в преддверии зимы, пока я ещё не привыкла к местному климату, мёрзла как собака. — Если это опять Грог с его геморроем, я его прокляну. Бесплатно.

Грог — местный наёмник, регулярный клиент и ходячая медицинская энциклопедия. За полгода нашего знакомства он успел прийти ко мне с ножевым ранением, отравлением, переломом руки, вывихом челюсти, магическим ожогом, загадочной сыпью (которая, к счастью, оказалась просто аллергией на орочье пиво), и тем самым геморроем, который мучил его после трёхдневного запоя.

Спускаясь по скрипучей лестнице в торговый зал своей лавки, я прихватила тяжёлый бронзовый подсвечник. В Грейхолде осторожность никогда не бывает лишней. Здесь могли убить за медную монету. Или просто так, от скуки.

Ступени стонали под ногами, выдавая моё приближение. Я давно хотела их смазать, но всё руки не доходили. Лавка была старой — двухэтажное здание из тёмного кирпича, зажатое между таверной «Слепой гоблин» и борделем «Розовая лилия». Место не самое респектабельное, но арендная плата была смешной, а клиентура постоянной.

В зале пахло сушёным шалфеем, спиртом и пылью. Запах дома. Запах безопасности. Запах новой жизни, которую я строила по кирпичику. На полках стояли банки с мазями, склянки с настойками, мешочки с сушёными травами. На прилавке лежала толстая книга — мой «медицинский журнал», куда я записывала все случаи, симптомы и методы лечения. В углу притулился скелет — учебное пособие, доставшееся от прежнего владельца лавки. Я назвала его Аркадием.

Я откинула засов, распахнула дверь, готовясь высказать всё, что думаю о ранних визитах, незваных гостях и людях, которые не умеют читать табличку «Приём с восьми до восьми», и осеклась.

На пороге стоял Грог и выглядел он паршиво. Даже по меркам Грога, который в принципе не отличался цветущим видом. Он прижимал руку к боку, и сквозь пальцы, заливая кожаный доспех, сочилась тёмная кровь. Его широкое, грубое, со сломанным носом и шрамом через всю щёку лицо, было бледным как мел. Глаза мутные, губы серые.

— Леди Энн, — прохрипел он, заваливаясь на прилавок. От него разило перегаром, потом и кровью. — Там... это... орк в карты мухлевал. Я ему говорю: ты, зелёная морда, шулер. А он ножик достал. Больно острый ножик. И того... воткнул.

Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой и жалкой.

— Я же говорила тебе, Грог: не садись играть с орками, пока не научишься считать хотя бы до десяти, — вздохнула я, отставляя подсвечник. Руки уже действовали на автомате — десять лет на «Скорой» вбили в меня рефлексы накрепко. — И особенно — не садись играть пьяным. Орки трезвыми-то мухлюют, а когда видят пьяного идиота с кошельком...

— Я не пьяный, — обиженно возразил Грог. — Я слегка... поддатый. Немножко.

— От тебя разит, как от винокурни.

— Это я упал в бочку. Случайно.

Я подставила плечо под его здоровую руку, помогая дойти до небольшой комнаты за прилавком, где стояла кушетка, шкаф с инструментами и стол для манипуляций. то была моя смотровая. Грог был тяжёлым, как каменная глыба. Под два метра ростом, широкоплечий, с руками толщиной с мои бёдра. Но тело Элары, несмотря на внешнюю хрупкость, оказалось на удивление выносливым.

— Ложись. И молчи. Если будешь ныть — зашью без обезболивания.

Грог послушно рухнул на кушетку, которая жалобно скрипнула под его весом. Я помогла ему стянуть доспех и задрала рубашку, осматривая рану.

Классический порез — длинный, неглубокий, от нижних рёбер до тазовой кости. Орк явно хотел выпустить Грогу кишки, но промахнулся. То ли был пьян сам, то ли Грог успел увернуться. Края раны ровные, кровотечение умеренное. Внутренние органы не задеты. При таком ударе печень и селезёнка были в безопасности. Жить будет.

— Повезло тебе, — сказала я, зажигая магический светильник — тусклый шар, висящий под потолком, который реагировал на прикосновение и начинал светиться мягким белым светом. — Ещё пара сантиметров — и я бы сейчас пересчитывала твои кишки.

Грог побледнел ещё сильнее.

— Это... плохо?

— Для тебя — да. Для меня — больше работы и меньше сна.

Я принялась за работу, доставая из шкафа всё необходимое. Промыть рану настойкой жгучего корня — местный аналог антисептика, от которого Грог взвыл и выматерился на трёх языках. Остановить кровь порошком из сушёной жабыей шкурки — мерзкая штука, но работала лучше любого гемостатика из моего мира. Обезболить отваром сонной травы — что-то вроде местной анестезии, только слабее и с побочным эффектом в виде лёгкой эйфории. Наложить швы.

Мои пальцы порхали над раной, накладывая стежок за стежком. Ровные, аккуратные, один к одному. В такие моменты я не чувствовала себя ни попаданкой, ни беглой женой, ни жертвой магического ритуала. Я была просто медиком. Делала то, что умела лучше всего — спасала жизни.

— Ты ведьма, леди Энн, — с благоговением выдохнул Грог, глядя, как я ловко орудую иглой. Его глаза были ослеплены. — У Марты руки золотые, но трясутся. Возраст. А у тебя, как сталь. Как... как у целителя императорского. Я одного такого видел, он лорду Фаррису ногу отрезал после битвы при Кровавых Холмах.

— Тихо. Не отвлекай.

Марта. Упоминание имени наставницы окутало сердце привычной теплотой. Марта Хромоножка — старая травница, которая приняла меня, когда я была полумёртвой развалиной, бредущей по обочине тракта. Женщина, которая не задавала вопросов. Женщина, которая дала мне новую жизнь.

Если бы не она, я бы до сих пор гнила в канаве у тракта. Или стала бы ужином для какой-нибудь твари из местных лесов.

Воспоминание накрыло непрошеной волной, и я позволила себе погрузиться в него, не прекращая работы.

Шесть месяцев назад.

Дождь. Бесконечный, ледяной дождь, смешивающийся с грязью. Он лил уже несколько часов или дней, я потеряла счёт времени. Небо было свинцово-серым, низким, давящим. Ветер выл в кронах деревьев, раскачивая голые ветви, похожие на костлявые пальцы мертвецов.

Я шаталась по обочине, не чувствуя ног. Каждый шаг давался с трудом, ноги проваливались в грязь по щиколотку, туфли давно потерялись где-то позади. Платье, когда-то белое, расшитое жемчугом и серебряной нитью, превратилось в грязные лохмотья. Корсет врезался в рёбра, мешая дышать. Волосы длинные, светлые волосы Эллары слиплись грязными сосульками, хлестали по лицу.

Я изо всех сил прижимала ладонь к груди, пытаясь заткнуть дыру, из которой толчками хлестала жизнь. Странная тёмная, почти черная, кровь сочилась сквозь пальцы, смешиваясь с дождевой водой и грязью. Боль была такой сильной, что я уже не чувствовала её, только тупое давление в груди и нарастающую слабость.

Я не знала, куда иду. Не знала, где нахожусь. Не знала, как выбралась из склепа. Последнее, что я помнила — темнота, холод, и странное ощущение, будто что-то тянет меня вперёд.

Я просто знала, что если остановлюсь, то умру. Или он меня найдёт. Что хуже, я не была уверена.

Деревья по обеим сторонам дороги казались враждебными. Корявые силуэты, тянущие ко мне голые ветви. Где-то вдалеке была какая-то тварь. Ее низкий, тоскливый вой, от которого волосы вставали дыбом, нервировал. В кустах шуршало что-то невидимое, следило за мной голодными глазами.

Сил не осталось. Совсем. Я упала на колени, потом завалилась на бок, ткнувшись лицом в мокрый мох. Он пах землёй и гнилью. Хороший запах. Запах могилы.

Тьма затягивала сознание, мягкая и тёплая, как одеяло. Я закрыла глаза.

«Ну вот и всё, Аня. Смена окончена. Можешь отдохнуть».

— Ишь ты, какая живучая, — скрипучий голос раздался сверху, вырывая меня из забытья. Голос был старческим, хриплым, с сильным деревенским говором. — Эй, малая! Ты человек или уже ужин для монстров? Отзовись, пока я тебя арбалетом не проверила.

Я с трудом разлепила веки. Всё расплывалось, двоилось. Надо мной стояла... старуха? Да, определённо старуха. Маленькая, сгорбленная, похожая на сушёный гриб, закутанная в серый плащ с капюшоном. Лицо морщинистое, как печёное яблоко, с острым носом и внимательными глазами. В её руках была корзина с травами, а за спиной висел арбалет. Такой тяжёлый, боевой, явно не для охоты на кроликов.

— Помогите... — прошептала я одними губами. Голос не слушался. Горло было забито кровью и грязью. Я захлебнулась кашлем, и в груди взорвался фейерверк боли — острой, рвущей, невыносимой. — Пожалуйста...

Старуха прищурилась, глядя на кровавое пятно, расплывающееся на моём лифе. Наклонилась ближе, принюхалась. Её глаза сузились.

— От тебя смертью разит за версту, девка. Кровью и магией. Нехорошей магией. Такой, от которой приличные люди бегут куда подальше. — Она помолчала, разглядывая меня, как редкое насекомое. — Но глаза живые. Злые. Упрямые. Мне такие нравятся. Те, кто сдаётся легко, долго не живут.

Она выпрямилась, насколько позволяла сгорбленная спина, и махнула рукой в сторону дороги.

— Вставай, если жить хочешь. Тащить не буду — спина больная, годы не те. Но если дойдёшь до моей хибары, я тебя заштопаю. Может, даже выживешь. Если боги будут благосклонны. Или если им будет на тебя наплевать, что более вероятно.

И я встала.

Не знаю, как. На чистом упрямстве. На злости. На той самой тёмной магии, что проснулась во мне после ритуала и отказывалась засыпать. Колени подкашивались, перед глазами плыли чёрные пятна, каждый вдох был как удар ножом в грудь. Но я встала.

Старуха смотрела на меня с чем-то похожим на одобрение.

— Неплохо, малая. Неплохо. Может, и вправду выживешь.

Она развернулась и захромала по дороге, не оглядываясь. Я побрела следом, оставляя за собой кровавый след.

Марта не задавала вопросов. Ни в тот день, ни после. Она просто притащила меня в свою маленькую захламленную лавку, пропахшую травами и дымом. Уложила на кушетку. Грубо, но умело заштопала рану, как штопают порванный мешок. Отпоила горькими отварами, от которых желудок выворачивался наизнанку. И дала новое имя.

— Анна — имя для благородной дуры, — сказала она на третий день, когда я смогла сидеть и говорить. — Тебе оно не подходит. Будешь Энн. Леди Энн, если хочешь понтов. Тут, в Грейхолде, никто не спрашивает, откуда ты и что натворила. Главное плати за выпивку и не суй нос в чужие дела.

— Всё, — я завязала последний узел и отрезала нить, возвращаясь в реальность. Воспоминания растаяли, как утренний туман. — Жить будешь. Два дня не пить, рану не мочить, швы не чесать. Если почувствуешь жар или увидишь гной сразу ко мне. Понял?

Грог кивнул, осторожно трогая повязку.

— С тебя пять серебряных.

— Пять?! — он подскочил на кушетке и тут же охнул от боли. — Леди Энн, да за пять серебряных можно ночь с тремя девками провести в «Розовой лилии»!

— Можно, — согласилась я. — Но те девки тебя не заштопают, когда орк в следующий раз решит проверить, какого цвета у тебя кишки. А я заштопаю. Плюс ночной вызов, плюс использование редких ингредиентов, плюс моральный ущерб за то, что меня разбудили в четыре утра. Так что пять серебряных это ещё дёшево.

Грог пробормотал что-то нечленораздельное, но полез за кошельком. Он знал, что спорить бесполезно. За полгода я заработала в Грейхолде репутацию лучшего лекаря в нижнем городе, с руками целителя и языком змеи. Ко мне шли все — наёмники, воры, проститутки, контрабандисты. Все те, кому не по карману были дорогие целители из верхнего города и кто не хотел отвечать на лишние вопросы.

Грог, кряхтя, сполз с кушетки и высыпал на стол монеты — пять тусклых серебряных кругляшей с красивым профилем императора.

— Спасибо, леди Энн. Ты... это... если кто обидит, ты только свистни. Мы с парнями голову оторвём. Буквально. У меня друган есть, Хорк, он три раза людям головы отрывал. Руками. Без топора даже.

— Спасибо за предложение, — сухо ответила я, сгребая монеты в карман фартука. — Но надеюсь, мне не понадобится.

— Это Грейхолд, леди Энн. Тут всем рано или поздно понадобится.

Он был прав, конечно. В этом городе не выживали в одиночку. Но принимать помощь от наёмника, который даже до десяти считать не умеет... Впрочем, выбора особо не было.

— Иди уже, герой, — усмехнулась я, провожая его к двери. — И постарайся не попадаться мне на глаза хотя бы неделю. Дай ране зажить.

— Постараюсь, — он криво улыбнулся, придерживая бок. — Но ничего не обещаю. Жизнь такая... непредсказуемая.

Дверь за наёмником захлопнулась. Колокольчик над входом жалобно звякнул. Я осталась одна в тишине лавки.

Солнце уже встало, заливая пыльные полки с банками робким утренним светом. Лучи пробивались сквозь мутное окно, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. С улицы доносились привычные звуки просыпающегося города. Скрип телег, крики торговцев, ругань грузчиков.

Начинался новый день. Обычный день в Грейхолде. Нужно было перебрать запасы корня мандрагоры, а то в последней партии попало много гнилых. Сварить партию тонизирующего зелья для городской стражи. Обычно они платили исправно и не торговались, так что всегда были в приоритете. И еще нужно проверить, не завелись ли мыши в мешках с сушёной полынью...

Дверь снова открылась.

Без стука. Без скрипа петель. Абсолютно бесшумно. Даже колокольчик над входом — тот самый, который реагировал на любое движение, который звенел даже от сквозняка — молчал. Словно его придушили невидимой рукой.

Кожу стянуло ледяной коркой, хотя воздух в лавке оставался тёплым. Волоски на руках встали дыбом. Шрам на груди вспыхнул тупой болью. Впервые за несколько недель.

Тело распознало угрозу раньше разума: дыхание перехватило, а внутренности скрутило тугим узлом, как у загнанного в угол зверя. Сердце забилося где-то в горле, быстро и неровно. Даже ладони вспотели.

Инстинкт взвыл на все голоса: «Беги! Беги! БЕГИ!»

Я медленно обернулась.

В дверном проёме стояла фигура. Высокая. Неподвижная. Закутанная в чёрный плащ с капюшоном, скрывающим лицо. От неё веяло холодом и чем-то ещё.

— Здравствуй, Элара, — голос был тихим, шелестящим, как сухие листья на ветру. — Или мне называть тебя... леди Энн?

Моё сердце пропустило удар.

Меня нашли.

2

— Мы ещё закрыты, — мой голос прозвучал твёрдо, хотя пальцы сами собой сжались на рукояти скальпеля, который я протираю.

Это был хороший скальпель. Стальной, с костяной рукоятью, острый как бритва. Марта подарила его мне на третий месяц обучения, сказав: «Хороший инструмент — продолжение руки. Береги его, и он сбережёт тебя». Я берегла. Точила каждую неделю, протираю маслом, хранила в кожаном чехле. И сейчас держала его так, словно это был меч, а не медицинский инструмент.

В проём скользнул мужчина.

Именно скользнул. Как тень, отделившаяся от стены. Как дым, просочившийся в щель. Как нечто, что не подчиняется обычным законам физики. Ни скрипа половиц под ногами, ни шелеста плаща, ни звука дыхания. Словно он возник из ниоткуда, соткался из утреннего полумрака.

Он разительно отличался от местных обитателей Грейхолда. Здесь, в нижнем городе, люди носили грубую одежду из дешёвой ткани, потёртые кожаные доспехи с заклёпками, тяжёлые сапоги, подбитые гвоздями. От них пахло потом, дешёвым элем, табаком и кровью. Они были громкими, грубыми, живыми.

Этот был другим.

На нём был идеально скроенный чёрный камзол из бархата такого глубокого оттенка, что казался провалом в ночное небо. Серебряная вышивка на манжетах и воротнике складывалась в сложный узор. То ли руны, то ли переплетённые змеи, то ли что-то ещё, от чего глаза начинали слезиться, если смотреть слишком долго. Пуговицы маленькие, чёрные, блестящие. Они были вырезаны из какого-то камня, похожего на оникс, но с красноватыми прожилками внутри.

На плечах лежал плащ из ткани, которую я видела только однажды на портрете императрицы в ратуше в день похорон наследного принца. Шёлк с вплетёнными серебряными нитями, который переливался при каждом движении, создавая иллюзию текущей воды. На такую ткань весь наш Грейхолд работал бы лет десять. И то не хватило бы.

Но пугало не богатство. Богатых людей я видела достаточно и в своём мире, и в этом. Они бывали высокомерными, снисходительными, иногда жестокими. Но они были людьми.

Пугало его лицо.

Бледное. Не просто светложее, а именно бледное, как у человека, который не видел солнца годами. Или столетиями. Кожа была гладкой, без единой морщины, без единого изъяна, словно фарфоровая маска. Тонкие, аристократичные черты, высокие скулы, прямой нос, узкие губы, острый подбородок. Красивое лицо. Слишком красивое. Неестественно совершенное.

Волосы чёрные, длинные, убранные назад и перехваченные серебряной заколкой. Они блестели в тусклом свете, как воронье крыло. Ни одного седого волоса. Ни одной выбившейся пряди.

Но хуже всего были глаза.

Цвета стоячей болотной воды. Мутно-зелёные, с желтоватыми искрами в глубине. В них не было жизни. Не было тепла. Не было ничего человеческого. В них была вечность. Холодная, равнодушная, бесконечная. И скука. Скука существа, которое видело слишком много, жило слишком долго и давно разучилось удивляться.

Я знала эти глаза. Не этого конкретного существа, но саму их природу. В памяти Эллары, в обрывках её детских кошмаров и запретных книг из родительской библиотеки мелькало слово. Слово, которое произносили шёпотом. Слово, за которое в некоторых провинциях могли сжечь на костре.

Вампир.

— У правил бывают исключения, не так ли, дитя? — его голос был тихим, вкрадчивым, похожим на шорох сухих листьев по каменным плитам кладбища.

Он говорил на имперском, но с акцентом, который я не могла определить. Слишком правильный. Слишком чистый. Так говорили в старых книгах — на языке, который давно изменился, эволюционировал, но который он выучил века назад и не потрудился обновить.

Он сделал шаг к прилавку. Один шаг плавный, бесшумный, словно он не шёл, а плыл над полом. В воздухе отчётливо поплыл сладковатый запах тлена. Так пахнут увядшие лилии на похоронах. Так пахнет земля на свежих могилах. Так пахнет смерть, которая притворяется жизнью.

Мой медицинский мозг автоматически отметил: отсутствие видимого дыхания, неестественная неподвижность между движениями, температура тела явно ниже нормы. От него веяло холодом, как от открытого морозильника.

— Я не лечу благородных господ, — отрезала я, невольно делая шаг назад. Прилавок упёрся мне в поясницу. Отступать было некуда. — Для этого есть храмовые целители в центре. Жрецы Солнечного Пламени в верхнем городе. Придворные маги в замке бургомистра. Здесь лавка для простых людей. Для тех, кто не может себе позволить большего.

Я говорила слишком много и слишком быстро. Нервная болтовня — верный признак страха. Он наверняка это видел. Наверняка чувствовал и запах адреналина, учащённое сердцебиение, капельки пота на висках.

— О, я не болен.

Было бы странно, будь иначе.

Мужчина улыбнулся, обнажив белые ровные зубы. Слишком острые. Клыки были едва заметно длиннее остальных зубов. Не настолько, чтобы бросаться в глаза обычному человеку, но достаточно, чтобы подтвердить мои худшие подозрения.

Улыбка не коснулась его глаз. Они остались такими же мёртвыми.

— Я ищу... редкости, — продолжил он, и в его голосе зазвучали новые нотки. Предвкушение? Голод? — Коллекционирую, можно сказать. Необычные артефакты. Древние тексты. Станных... людей.

Он выделил слово «людей» так, словно сомневался, что оно применимо к тем, кого он ищет.

— Мне сказали, в этой дыре появилась удивительная травница. Маленькая лавка на задворках, между борделем и таверной — не самое респектабельное место, но слухи... О, слухи расползаются далеко. — Он сделал ещё один шаг, и я почувствовала, как шрам на груди вспыхнул ледяным огнём. — Говорят, она вытаскивает с того света тех, на ком сама Смерть уже поставила метку. Говорят, её руки творят чудеса. Говорят, в ней есть что-то... особенное.

Он подошёл вплотную к прилавку. Так близко, что я могла разглядеть каждую деталь его лица. Тонкую сеть вен под бледной кожей, неестественно расширенные зрачки, тёмные полукружья под глазами, которые выдавали существо, привыкшее к ночи.

Его взгляд скользнул по моему лицу — изучающий, оценивающий, препарирующий. Так смотрят на редкую бабочку, которую собираются наколоть на булавку. Потом взгляд опустился ниже, на шею, задержался на пульсирующей артерии. Я почувствовала, как его голод облизнул мою кожу невидимым языком.

Потом взгляд спустился ещё ниже. К груди, где под тканью простого платья был спрятан шрам. Уродливый, бугристый, проклятый шрам, который пульсировал сейчас так сильно, что я была уверена: он его видит. Видит сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь плоть.

Меня бросило в жар. Потом резко в холод. Волна озноба прокатилась по позвоночнику, заставив волосы на руках встать дыбом. Шрам горел ледяным пламенем, словно кто-то водил по нему раскалённым железом.

Он смотрел так, словно видел меня насквозь. Каждую мою тайну. Каждый страх. Каждую ложь, которую я рассказывала себе и другим, чтобы выжить в этом проклятом мире.

— Слухи часто преувеличивают, — процедила я, стараясь не выдать паники. Голос звучал почти нормально. Почти. — Люди любят сочинять истории. Я просто хорошо шью раны. Ничего особенного. Никакой магии. Просто опыт и твёрдая рука.

«И десять лет работы в «Скорой помощи», — добавила я мысленно. — И сотни ночных смен. И тысячи пациентов. И несколько чудес, которые врачи предпочитают не обсуждать, потому что наука их не объясняет».

— Скромность украшает, — он медленно снял чёрную перчатку.

Движение было неторопливым, театральным, рассчитанным на эффект. Палец за пальцем, словно он снимал не перчатку, а второй слой кожи. Эта кожа, наверняка из какого-нибудь экзотического существа, соскользнула с руки, обнажив кисть.

Рука была белее снега. С длинными, изящными пальцами, которые могли бы принадлежать музыканту или художнику. Или убийце. Ногти идеально ровные, отполированные до блеска, чуть заострённые на концах.

На указательном пальце чернел перстень. Массивный, старинный, явно древнее самого Грейхолда. Мутный крупный непрозрачный камень, с багровыми сполохами в глубине, был обрамлён серебром, потемневшим от времени.

— Но я пришёл убедиться лично, — продолжил он, и его голос стал ниже, глуше, опаснее.

Он протянул руку.

Я хотела отшатнуться. Хотела отпрыгнуть в сторону, перемахнуть через прилавок, выбежать через заднюю дверь. Но тело не слушалось. Словно кто-то выключил связь между мозгом и мышцами. Я могла только стоять и смотреть, как его бледные пальцы приближаются к моему запястью.

Касание было ледяным.

Нет, не просто холодным — ледяным, как прикосновение смерти. Как пальцы утопленника или дыхание могилы. Холод проник под кожу, пробежал по венам, достиг сердца.

Меня словно ударило током. Нет, не током. Чем-то худшим. Древняя магия, дремавшая в шраме, взвыла и рванулась наружу, как зверь, почуявший угрозу. Тьма внутри меня, та самая, что проснулась в момент ритуала, вскинулась, оскалилась, зашипела.

Мужчина тут же отдернул руку.

На мгновение, на долю секунды, на его лице мелькнуло что-то похожее на удивление. Его зрачки расширились, поглощая радужку, превращая глаза в два чёрных колодца. Вены на виске дрогнули, ноздри раздулись.

Теперь он смотрел на меня не со скукой. Нет. Скука испарилась, как утренний туман. В его взгляде вспыхнул жадный, хищный интерес. Интерес охотника, который думал, что идёт на кролика, а наткнулся на что-то гораздо более... интересное.

— Изумительно... — прошептал он.

Слово прозвучало как молитва. Или как проклятие.

— Просто изумительно. — Он поднёс руку, которой касался меня, к лицу и медленно принюхался. Его веки на секунду опустились, словно он смаковал редкий аромат. — Ошибка в уравнении, которая изменила всё решение. Сбой в механизме, который породил нечто новое. Душа, которой не должно существовать, в теле, которое должно было умереть.

Сердце пропустило удар.

— Уходите, — я вскинула скальпель, чувствуя, как дрожат колени. Голос звучал хрипло, срываясь на фальцет. — Уходите немедленно. Или я позову стражу.

«Идиотка, — прошипел внутренний голос. — Какая стража? Он перережет им глотки раньше, чем они успеют войти».

— Стражу? — он тихо рассмеялся.

Смех был мелодичным, красивым и абсолютно лишённым веселья. Смех существа, которое разучилось испытывать радость, но помнило, как это делается.

— Не стоит, милая. Стража Грейхолда жалкие пьяницы с ржавыми мечами. Они не защитят тебя от того, что надвигается. — Он склонил голову набок, изучая меня новым взглядом. — Впрочем, возможно, тебе и не нужна защита. Возможно, ты сама опаснее, чем кажешься. Гораздо опаснее.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один. Словно хищник, который решил не нападать сейчас, но не потому что боится, а потому что хочет растянуть удовольствие.

— Мы ещё встретимся. Очень скоро. Береги себя... для меня.

Последние слова прозвучали как обещание. Или как угроза. С такими существами разнища была невелика.

Он небрежным жестом бросил на прилавок золотую монету. Она звякнула неестественно громко в давящей тишине, словно удар колокола.

— До встречи, леди... как вас теперь зовут? — он сделал паузу, наслаждаясь моментом. — Ах да. Энн. Леди Энн из Грейхолда. Травница, которая шьёт раны.

Он развернулся и вышел так же бесшумно, как и появился. Дверь даже не скрипнула. Колокольчик так и не звякнул, словно онемел от ужаса. Тени в углах лавки дрогнули, когда он проходил мимо, словно кланялись своему повелителю.

И он исчез.

Я стояла, глядя на пустой дверной проём, и не могла заставить себя вдохнуть.

Сколько прошло времени? Секунда? Минута? Вечность? Я не знала. Мир замер, застыл, превратился в неподвижную картину. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь мутное окно, казался холодным. Пылинки в воздухе висели неподвижно, словно тоже боялись пошевелиться.

В лавке повисла звенящая тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом. Сладковатый запах тлена, оставшийся после гостя, медленно таял, смешиваясь с привычными ароматами трав и спирта. Но ощущение ледяного прикосновения на запястье никуда не делось.

Я опустила взгляд. На коже, там, где он касался меня, остался след. Едва заметный, бледно-синий, похожий на отпечаток пальцев.

Скальпель выпал из онемевших пальцев и со звоном покатился по полу. Колени подогнулись, и я схватилась за прилавок, чтобы не упасть.

«Вампир. Это был вампир. Настоящий, древний вампир пришёл в мою лавку и... и что? Зачем?»

Вопросы роились в голове, как потревоженный улей. Откуда он узнал обо мне? Что он почувствовал, когда коснулся? Что значили его слова про «ошибку в уравнении»?

На прилавке, тускло поблёскивая, лежала монета.

Я осторожно, словно это был ядовитый паук или спящая гадюка, протянула руку и коснулась металла.

Это было не имперское золото. Я видела достаточно имперских монет с профилем нынешнего императора, с гербом правящей династии, с датой чеканки. Стандартные, одинаковые, предсказуемые.

Эта монета была другой.

Тяжёлая, гораздо тяжелее, чем должна быть монета такого размера. Старая, края неровные, потёртые, словно её сотни лет передавали из рук в руки. Это было не совсем золото, в нём была примесь чего-то ещё, что придавало поверхности красноватый отлив.

На аверсе не было ни профиля императора, ни герба провинций. Только странный, вытертый от времени символ. Я поднесла монету к свету, пытаясь разглядеть детали.

Глаз со зрачком-щелью, как у змеи или кошки. Или дракона. Глаз был пронзён тонкой иглой, из которой стекала капля, а вокруг него замыкался треугольник, направленный вершиной вниз.

На реверсе надпись на языке, которого я не знала. Не имперский. Что-то ещё более старое. Буквы были угловатыми, острыми, похожими на следы когтей.

Я никогда раньше не видела этого знака. Ни в учебниках академии, где училась Элара. Ни в справочниках торговой гильдии, которые изучала уже я для работы. Ни в тех запретных книгах по магии, которые Марта прятала на верхней полке и строго запрещала трогать, но я все равно умудрилась полюбопытствовать. Без практики, конечно, потому что самой страшно от того, на что я могу быть способна.

Я спрятала монету в карман фартука. Потом подумала и переложила её в маленький кожаный мешочек, который носила на шее. Там, где хранила несколько крупиц серебра «на чёрный день».

3

— Ты чего застыла, как соляной столб?

Голос Марты, скрипучий, как несмазанная телега, заставил меня вздрогнуть. Рука сама собой метнулась к карману фартука, на дне которого уже лежал тяжелый, холодный кругляш. Я спрятала монету секунду назад, но пальцы всё еще помнили ледяное прикосновение металла, будто ожог.

Наставница спускалась по лестнице, кутаясь в шаль. Её седые волосы были всклокочены, а взгляд выцветших глаз — цепким и недовольным.

— Клиент был, — выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, и убирая руку от кармана, чтобы не привлекать внимания. — Странный.

— В Грейхолде все странные, — фыркнула Марта, подходя к столу и бесцеремонно заглядывая в кружку с остывшим кофе. — Нормальные люди в нашей дыре не живут. Нормальные люди живут там, где есть канализация и нет драконов. Что хотел?

— Ничего. Ошибся дверью.

Я отвернулась к полкам, делая вид, что поправляю банки. Не стоило волновать старуху. Этот «подарок» — моя проблема. И судя по холоду, который я чувствовала даже сквозь ткань фартука, проблема серьезная.

Утро покатилося своим чередом, пытаюсь стереть липкий страх утреннего визита. Лавка наполнилась привычными звуками: звоном склянок, шумом закипающего котла и ворчанием Марты, перебирающей пучки сушеной полыни.

Я с головой ушла в работу. Это всегда помогало. Когда руки заняты делом — растирают мазь, взвешивают порошки, штопают раны, — голове некогда бояться.

К полудню поток страждущих иссяк. Я как раз заканчивала готовить партию противоядия от укусов болотных гадюк (сезон спаривания у них, видите ли, кусают всех без разбора), когда с улицы донесся нарастающий гул.

Это был не привычный базарный гомон. Это был звук тяжелых кованых сапог, лязг металла и тот особый, благоговейный и испуганный шепот толпы, который всегда сопровождает власть.

— Дорогу! Освободить проезд! Именем Императора!

Грохот копыт сотряс мостовую так, что склянки на полках жалобно звякнули. Я замерла с пестиком в руке. Сердце, которое только-только успокоилось, снова ухнуло куда-то в желудок.

— Не к добру, — прокаркала Марта, выглядывая в мутное оконце. — Имперские стяги. Драконий легион.

Драконий...

— Закрывай лавку, — скомандовала я, срывая с себя перепачканный фартук. — Быстро. Мы уходим.

— Сдурела, девка? — Марта удивленно обернулась. — Выручка сама себя не сделает. Да и с чего бы им к нам заходить? Они по центральной улице идут, к ратуше.

Но я её не слушала. Животный ужас, иррациональный и неконтролируемый, гнал меня прочь. Я знала: если я увижу его, если он увидит меня... Я метнулась к черному ходу, но не успела сделать и двух шагов.

Дверь лавки распахнулась от мощного пинка. Да так, что колокольчик не звякнул, а жалобно дзынькнул и оторвался, покотившись по полу.

— Целителя! Срочно!

В лавку ввалились двое солдат в черно-красной форме. Они тащили третьего — совсем мальчишку, бледного, с пеной у рта. Его нога была неестественно вывернута, а штанина пропитана чем-то черным и дымящимся.

— Куда его?! — рывкнул один из солдат, оглядываясь.

— На кушетку, живо! — профессиональный рефлекс сработал быстрее инстинкта самосохранения. Я перехватила инициативу прежде, чем успела подумать. — Голову держите, он захлебнется!

Солдаты поволокли парня к смотровой зоне. Я подскочила к раненому, на ходу хватая ножницы, чтобы разрезать ткань.

— Что случилось?

— Тварь какая-то болотная, — выдохнул солдат. — Из кустов прыгнула. Когтями полоснула и сразу яд. Наши лекари в обозе отстали, а пацан погибает. Местные сказали, тут ведьма живет, что с того света тащит.

— Я не ведьма, я врач, — огрызнулась я, вспарывая штанину.

Зрелище было не для слабонервных. Ткань вплавилась в кожу, рана пузырилась кислотно-зеленым. Яд виверны. Молодой, но от этого не менее смертоносной.

— Марта, жгут и сыворотку «синий корень»! Быстро! — крикнула я, уже не думая о том, кто стоит за моей спиной. — У нас минуты три, не больше.

Я работала, полностью отключившись от внешнего мира. Существовала только рана, бешеный ритм пульса под пальцами и задача: не дать мальчишке умереть. Я чистила, промыла, нейтрализовала кислоту магическим порошком, шипевшим при контакте с плотью.

И только когда дыхание парня выровнялось, а черная сетка на венах начала бледнеть, я почувствовала это. Давление. Тяжелый, прожигающий затылок взгляд.

В лавке стало тихо. Солдаты вытянулись в струнку, даже дышать перестали. Воздух сгустился, наэлектризовался, запах озоном и раскаленным металлом. Аура высшего дракона.

Я медленно, очень медленно выпрямилась, вытирая окровавленные руки тряпкой. Поворачиваться не хотелось. Хотелось исчезнуть, раствориться, стать пятном на стене. Но я не могла.

Я сделала глубокий вдох, натянула на лицо маску холодного спокойствия (спасибо годам работы в реанимации, где истерики родственников закаляют лучше любой войны) и обернулась.

Он стоял в дверях, скрестив руки на груди. За полгода он почти не изменился. Все тот же безупречный черный мундир с серебряным шитьем, все те же широкие плечи, тот же жесткий разлет бровей. Только морщин у глаз стало больше, да взгляд... Взгляд стал еще тяжелее. Темный янтарь с вертикальным зрачком.

Генерал Валиан де Крест.

Он смотрел на меня. Не на раненого солдата, не на Марту, застывшую в углу с банкой в руках. На меня.

— Отчет, — бросил он. Коротко, властно. Как привык отдавать приказы своим подчиненным.

У меня внутри все сжалось. Узнал? Нет, не может быть. Элара была бледной, худой, вечно дрожащей мышью с опущенными глазами. Я стояла перед ним прямо, с закатанными рукавами, в грубом фартуке, с рыжими волосами, убранными под косынку. Да и голос... я научилась говорить иначе. Ниже. Тверже.

— Жить будет, — ответила я, глядя ему в переносицу (старый трюк: кажется, что смотришь в глаза, но не встречаешься взглядом с хищником). — Яд нейтрализован. Ногу сохранить удалось, но хромать будет с месяц. Ему нужен покой и отвар из...

— Я не спрашивал рецепт, — перебил он, делая шаг вперед.

Солдаты поспешно расступились. Валиан подошел вплотную. Я чувствовала жар, исходящий от его тела. Драконий жар. Он смотрел на мои руки. На пальцы, покрытые пятнами от вьевшегося сока трав, с короткими ногтями, со сбитыми костяшками. Элара никогда ничего тяжелее вышивальной иглы в руках не держала. Её руки были белыми, мягкими, холеными.

— Странно, — произнес он тихо, и от этого тона у меня мурашки побежали по спине.

— Что именно, милорд? — я старалась не дергаться, хотя хотелось вцепиться ему в глотку или сбежать.

— В этом городе грязь, вонь и безнадега, — он поднял взгляд на мое лицо. — А у местной лекарши руки целителя и выправка гвардейца. Кто вы такая?

— Энн, — соврала я, не моргнув глазом. — Просто Энн. Лечу тех, кого другие списали.

— Просто Энн... — повторил он, пробуя имя на вкус.

Внезапно воздух в лавке стал тяжелым и вязким, словно перед грозой. Валиан замер на полушаге. Его ноздри хищно раздулись, будто он уловил какой-то, одному ему слышный запах.

Я увидела, как его вертикальные зрачки сузились в тонкие, пульсирующие иглы. От него повеяло сухим, тяжелым жаром, будто угрожающим дыханием раскаленной печи, готовой вспыхнуть в любую секунду.

Валиан чуть подался вперед, но тут же отшатнулся, словно наткнулся на невидимую преграду или уловил тошнотворный запах гниения. Его ноздри хищно раздулись, втягивая воздух, а верхняя губа едва заметно дернулась в брезгливой гримасе. Так смотрят на идеальное с виду яблоко, обнаружив, что внутри оно кишит червями.

Ледяная маска безразличия дала трещину, но под ней проступил не интерес, а глухое, инстинктивное отвращение, смешанное с непониманием. Он выглядел сбитым с толку.

Мне стало не по себе. Инстинктивно захотелось прикрыться руками.

В этот момент раненый на кушетке застонал. Звук разорвал напряженную тишину, как выстрел. Валиан моргнул. Наваждение спало так же резко, как и появилось. Зрачки сузились, лицо снова превратилось в бесстрастную мраморную маску.

— Заберите его, — бросил он солдатам, кивнув на парня, но голос его прозвучал чуть хрипло. — И заплатите этой... женщине.

Он развернулся к выходу, но у порога на секунду замялся, словно хотел что-то добавить.

— Мы задержимся в городе на пару дней, — сказал он, не оборачиваясь. — Если моему человеку станет хуже, я найду вас, Энн. И тогда разговор будет другим.

Дверь за ним захлопнулась. Я шумно выдохнула, чувствуя, как адреналин отступает, оставляя после себя дрожь в коленях. Ноги стали ватными, и я сползла по стене на пол, прямо рядом со шкафом с бинтами.

— Пронесло... — прошептала Марта из своего угла.

— Нет, — я посмотрела на свою руку, которая все еще помнила жар его ауры, хотя он меня даже не коснулся. — Он понял, что со мной что-то не так.

4

— Собирайся. Мы уходим.

Я металась по лавке, скидывая в дорожный мешок самое необходимое: хирургический набор, настойки, смену белья, немного еды. Руки дрожали, и пару раз я чуть не уронила банку с драгоценным эликсиром регенерации.

— Куда уходим? — Марта сидела на табурете, невозмутимо пересчитывая монеты, оставленные генеральскими псами. — В болота? К упырям на полдник?

— Куда угодно, лишь бы подальше отсюда! — я затянула горловину мешка так туго, что побелели костяшки пальцев. — Ты не понимаешь, Марта. Валиан не просто проезжал мимо. Он *искал*. И он вернется.

— Конечно, вернется, — кивнула старуха. — Ты ему бойца спасла. Он теперь тебе денег должен или, как минимум, благодарность. А генералы не любят быть должными.

— Он меня убил, Марта! — я резко развернулась к ней. — Полгода назад он принес меня в жертву на алтаре! И если он поймет, что я жива... Он не «спасибо» скажет. Он закончит начатое.

Я схватила плащ. В голове билась только одна мысль: бежать. Неважно куда. Главное — исчезнуть до того, как его ищейки начнут копать глубже и выяснят, откуда в Грейхолде взялась травница с руками аристократки и шрамом от ритуального кинжала.

— Да сядь ты! — рявкнула Марта, стукнув клюкой об пол. — Никуда ты не пойдешь.

— Это почему еще?

— А ты в карман загляни. В тот самый, куда «подарок» утренний спрятала.

Я замерла. Страх, на секунду уступивший место суете сборов, вернулся ледяной волной. Я медленно опустила руку в карман. Пальцы сомкнулись на монете. Она была ледяной. Не просто холодной, как металл, а мертвенно-ледяной, словно вытягивала тепло из моего тела.

Я вытащила её на свет. Странный символ — глаз, пронзенный иглой — слабо пульсировал багровым светом.

— Откуда ты знаешь? — прошептала я.

— Я старая, Энн, но нос у меня работает лучше, чем у гончей, — Марта помрачнела, её лицо, испещренное морщинами, стало похоже на печеное яблоко. — В лавке пахнет тленом и лилиями. Так пахнут только они. Кровососы.

Я промолчала.

— Высший вампир, девочка. Древняя кровь. Таким закон не писан, они сами — закон, — старуха ткнула скрюченным пальцем в монету. — И он оставил тебе не просто золото. Это «Вуаль Мертвеца».

— Вуаль? — Я покрутила монету в руках.

— Это артефакт, — пояснила Марта, понизив голос. — Очень редкий и очень темный. Знаешь, почему генерал сегодня тебя не узнал? Почему он смотрел на тебя, как баран на новые ворота, и не мог понять, что не так?

— Потому что я изменилась?

— Потому что эта штука, — она кивнула на монету, — прячет твою суть. Пока этот металл при тебе, для драконьего нюха ты — пустое место. Обычный человек. Монета глушит зов твоей крови, прячет магию, сбивает их навигацию. Ты для него сейчас как невидимка в толпе. Он чувствует, что *кто-то* есть, но не может понять *кто*.

Я сжала монету в кулаке. Значит, вот оно что. Этот вампир, дал мне идеальное прикрытие. Щит от Валиана.

— Так это же хорошо! — выдохнула я с облегчением. — Значит, я могу не бояться, что Валиан меня учует?

— Дура, — беззлобно, но веско припечатала Марта. — Бесплатный сыр только в мышеловке, а эта мышеловка захлопнулась еще утром. Вампиры ничего не дают просто так. Эта монета прячет тебя от дракона, но для вампира она светится как маяк. Ты теперь помечена, Энн. Ты для него — бронированный столик в ресторане. Он спрятал тебя от конкурента, чтобы сожрать самому. Или использовать.

Меня передернуло. Выбор был невелик: либо плаха мужа, либо клыки незнакомца.

— И что мне делать? — голос предательски дрогнул. — Выкинуть её?

— Выкинешь — Валиан найдет тебя через час. Твоя аура фонит сейчас так, что её с горы видно. Оставишь — вампир придет узнать в чем дело.

— Прекрасный выбор, — я нервно рассмеялась. — Просто мечта поэта.

— Оставь, — решительно сказала Марта. — От вампира мы, может, и отобьемся чесноком да осиной, а вот от генерала драконов спасения нет. Носи её ближе к телу. И молись, чтобы кровосос не проголодался раньше времени.

С улицы донесся протяжный, вибрирующий звук горна. Он перекрыл шум рынка и лай собак.

— Внимание! Внимание! — разнесся усиленный магией голос глашатая. — Приказ генерала драконов!

Я подскочила к окну, прячась за пыльной шторой. На главной площади, которую было видно в проем между домами, собралась толпа. В центре, возвышаясь над людьми на вороном жеребце, сидел офицер из свиты Валиана. Самого генерала видно не было.

— С этого часа Грейхолд объявляется закрытой зоной! — гремел голос офицера. — Городские ворота запечатаны. Любые попытки покинуть город или проникнуть в него караются смертью на месте. Вводится комендантский час. Всем гражданам подготовить документы для проверки. Мы ищем предателей Империи. Содействие награждается, укрывательство карается казнью!

Толпа недовольно загудела, но быстро стихла, когда драконы, не люди, а огромные крылатые ящеры, кружившие в небе, синхронно издали низкий, угрожающий рык. Я отпрянула от окна.

— Ну вот, — криво усмехнулась я, чувствуя, как внутри разливается холодное, злое спокойствие. Истерика кончилась. Началась стадия принятия неизбежного. — Мышеловка захлопнулась, Марта.

— Проверка документов, говоришь... — старуха нахмурилась. — Твои бумаги я сделала качественно, комар носа не подточит. Вдова Энн Риверс, приехала с побережья. Но если генерал узнает в тебе свою жену...

— Он не увидит во мне Элору, — твердо сказала я. — Элара мертва. Я убила её в себе полгода назад, когда ползла по грязи. Он увидит травницу Энн. Грубую, циничную, пропахшую спиртом и полынью.

Я подошла к зеркалу. К мутному куску полированной бронзы, висевшему на стене. Из отражения на меня смотрела незнакомка. Рыжие волосы (спасибо хне), веснушки (нарисованные соком чистотела), жесткая складка у губ.

— Я справлюсь, — сказала я своему отражению. — Я выживу. Просто назло им всем.

— Энн! — в дверь снова забарабанили. На этот раз стук был не властным, а торопливым, испуганным.

Я вздрогнула, но тут же взяла себя в руки.

— Кого еще?

Открыв дверь, я увидела соседку. Полную, румяную булочницу Берту. Обычно веселая, сейчас она была белее своей муки.

— Энн, милая, выручай! — затараторила она, хватая меня за рукав. — Там у ратуши... облава! Солдаты хватают всех подозрительных. Моего Томаса забрали! Сказали, рожа у него бандитская!

— А я тут причем? — я попыталась высвободить руку. — Я лекарь, а не адвокат.

— У Томаса астма! — всхлипнула Берта. — Он настойку дома забыл. Если в темнице приступ начнется — он же задохнется! Ты же врач, тебя пропустят! Отнеси ему лекарство, Всеми богами молю! Я заплачу! Пирогам, деньгами, чем хочешь!

Я хотела отказаться. Меньше всего мне сейчас нужно было идти к ратуше, в самое логово дракона, где наверняка находится штаб Валиана. Это было безумием. Самоубийством. Но перед глазами встало лицо Томаса — безобидного, глуповатого парня, который таскал нам мешки с углем. Задохнуться в камере, пока стража играет в кости...

— Проклятье... — выдохнула я. Врачебный долг — самая вредная привычка из моей прошлой жизни. — Ладно. Давай лекарство.

— Спасибо! Ой, спасибо! — Берта сунула мне в руку стеклянный флакончик.

— Марта, я скоро, — бросила я через плечо, накидывая плащ и пряча лицо в глубокий капюшон.

— Стой, — окликнула наставница. — Монету не забудь.

— Она в кармане.

— Переложу в сапог, — посоветовала старуха. — Ближе к земле, но чтобы кожи касалась. Сейчас ты идешь в самое пекло, к ратуше. Там драконов будет как блох на собаке. Без этой вампирской побрякушки тебя расколят на входе. Она теперь твоя единственная страховка.

Я сунула ледяной кругляш за голенище сапога. Холод металла обжег лодыжку, но странным образом придал уверенности. Я иду в логово врага под защитой другого врага. Ирония судьбы.

5

Путь до ратуши занял вечность, хотя идти было всего два квартала. Город словно вымер, затаился в щелях и подвалах. Только патрули драконьей гвардии чеканили шаг по брусчатке, да ветер гонял обрывки объявлений о комендантском часе.

Монета в сапоге жгла лодыжку холодом, напоминая о себе с каждым шагом. *«Я тебя прячу, но я тебя вижу»*, — казалось, шептал этот ледяной металл.

Украшенная горгульями мрачная каменная ратуша гудела, словно растревоженный улей. Вокруг горели магические факелы, солдаты тащили какие-то ящики, у входа стоял караул.

— Стоять! — путь мне преградила алебарда. — Зона оцепления. Гражданским вход воспрещен. Стражник был молодым, но смотрел так, словно уже приговорил меня к виселице.

— Я целитель, — я подняла руки, показывая, что безоружна. — У вас в камерах задержанный Томас, пекарь. У него астма. Если он не получит лекарство прямо сейчас, через час вы будете выносить труп.

— Пусть подышает, — сплюнул стражник. — Меньше предателей кормить.

— Отлично, — я холодно кивнула, разворачиваясь. — Я так и скажу генералу де Кресту, когда он спросит, почему задержанный умер до допроса. Думаю, генерал будет в восторге, узнав, что рядовой... — я прищурилась, читая нашивку, — ...Паркинс лишил его важного свидетеля из-за своей лени.

Паркинс побледнел. Упоминание генерала действовало на солдат как ледяной душ.

— Стой, бешеная, — буркнул он, опуская алебарду. — Давай свое лекарство. Сам передам.

— Нет, — твердо сказала я. — Это сложный механизм. Нужно показать, как пользоваться. И проверить пульс. Я зайду, дам лекарство и выйду.

Стражник выругался, но махнул рукой.

— Две минуты. И если дернешься не туда — прирежу.

Меня пропустили во внутренний двор. Здесь пахло конским потом, гарью и той особой, кислой вонью страха, которая всегда висит над тюрьмами.

Временный изолятор устроили прямо в подвалах. Решетки были забиты людьми, похоже, хватали всех без разбора.

Томаса я нашла в крайней камере. Он сидел на полу, хватая ртом воздух, лицо уже посинело.

— Томас! — я просунула руку сквозь прутья. — Дыши. Вот, возьми. Два вдоха, удержи дыхание, потом выдох.

Бедняга схватил флакончик трясущимися руками. Послышалось шипение раствора, потом хриплый, но глубокий вдох.

— Спасибо, Энн... — просипел он, когда краска начала возвращаться к лицу. — Я думал, все... конец.

— Сиди тихо и не высовывайся, — шепнула я. — Берта тебя вытащит, как только все утихнет.

Дело было сделано. Я развернулась, собираясь убраться отсюда как можно быстрее, пока удача не закончилась. Я почти дошла до ворот. Почти.

Главные дубовые двери ратуши распахнулись. На крыльцо вышла группа офицеров. Они громко спорили, тыча пальцами в карту. А во главе группы шел Валиан. Ветер трепал его черные волосы. Он выглядел уставшим и злым. Очень злым.

Я замерла посреди двора. Бежать было нельзя, иначе привлеку внимание. Прятаться негде. Я опустила голову, ссутулилась, надеясь, что серый плащ сольется с сумерками, и попыталась бочком скользнуть к воротам.

— Стоять!

Голос ударил в спину, будто меня ткнули кулаком промеж лопаток. Я застыла. Медленно, очень медленно обернулась. Валиан стоял на нижней ступени крыльца. Он смотрел прямо на меня.

— А, «просто Энн», — произнес он, делая шаг ко мне. Офицеры за его спиной затихли. — Какая неожиданная встреча. Утром вы лечили моих солдат в лавке, а вечером... инспектируете тюрьму?

— Принесла лекарство задержанному, милорд, — мой голос был хриплым, но твердым. — Астматик. Без лекарства он бы умер до утра, а вы, кажется, хотели допросить всех лично. Я сберегла вам свидетеля.

Валиан сузил глаза. Он подошел вплотную. Слишком близко.

— Забота о ближнем? Или попытка замести следы? Он наклонился ко мне, и я увидела, как его ноздри хищно раздулись. Он втягивал воздух, пытаясь «прочитать» меня. Драконы не верят словам, они верят запаху и магии.

В этот момент монета в моем сапоге словно взорвалась ледяным огнем. Боль пронзила ногу от лодыжки до колена, но я не посмела даже вздрогнуть. Вампирский артефакт вступил в бой с драконьим сканером.

Лицо Валиана исказилось. Вместо удовлетворения на нем появилось выражение безразличия и глубокого недоумения. Он резко отшатнулся, словно от меня пахло разложившимся трупом.

— Что за чертовщина... — прорычал он, глядя на меня уже не с интересом, а с отвращением. — Ты... пустая.

— Простите? — я захлопала ресницами, изображая искреннее непонимание.

— Мои глаза видят женщину. Живую, теплую, наглую, — он чеканил слова, буравя меня взглядом. — Но мой зверь видит пустоту. Холодную, мертвую яму. От тебя не пахнет жизнью, травница. От тебя фонит склепом.

Он схватил меня за подбородок рукой в кожаной перчатке, заставляя поднять лицо. Его пальцы были жесткими.

— Кто ты такая, Энн? Некромантка? Или сама уже одной ногой в могиле? Почему моя магия не может тебя нащупать?

Сердце колотилось где-то в горле. Монета работала, но эффект был пугающим. Для него я была аномалией.

— Я работаю с ядами и умирающими, милорд, — прошептала я, глядя ему в глаза. — Смерть — это часть моей профессии. Возможно, она просто въелась в кожу.

Валиан смотрел на меня еще несколько бесконечно долгих секунд. В его глазах боролись подозрение и отвращение. Монета в сапоге жгла немилосердно, маскируя мою истинную ауру под «мертвый фон». Наконец, он с безразличностью отпустил мой подбородок и вытер перчатку о плащ, словно коснулся грязи.

— Проваливай, — бросил он. — Твое присутствие... раздражает моего дракона. Он не любит падаль.

— Как прикажете, генерал.

Я присела в коротком книксене и попятилась к воротам.

— И, Энн! — окликнул он, когда я уже почти выскользнула наружу. Я замерла. — Если я узнаю, что ты связана с темными культами... тот факт, что ты спасла моего солдата, тебя не спасет. Я тебя лично повешу.

— Я запомню, милорд.

Я вышла за ворота. Спина была мокрой от пота. Ноги дрожали так, что я едва могла идти.

Монета сделала меня для него «падалью», пустотой. Это спасло меня от узнавания драконом, но поставило новую метку — «подозрительная темная дрянь».

Теперь Валиан будет следить за мной с удвоенной силой. Как за потенциальной угрозой. Я завернула за угол и, только убедившись, что меня никто не видит, привалилась к стене.

— Черт... — выдохнула я, потирая ногу, где ожог от монеты пульсировал в такт сердцу. — Из огня да в полымя. Спасибо тебе, вампир, удружил. Теперь муж считает меня ходячим трупом. Хотя... это все же лучше, чем быть разоблаченной.

— Ну что? — Марта встретила меня на пороге, сжимая в узловатых пальцах арбалет.

Старый, боевой, с потёртым ложем и туго натянутой тетивой. Судя по побелевшим костяшкам и прищуренным глазам, она была готова всадить болт в первого, кто войдёт без приглашения. Видимо, пока я отсутствовала, она успела прокрутить в голове все возможные сценарии, и ни один из них не заканчивался хорошо.

— Жива, — я переступила порог и устало привалилась к дверному косяку.

Стянула сапог с правой ноги и поморщилась от острой вспышки боли. На лодыжке, там, где всё это время лежала монета, прижатая к коже кожаным ремешком, алел чёткий ожог. Красный, воспалённый, с волдырями по краям. И форма... форма была безошибочной. Глаз, пронзённый иглой. Тот самый символ с аверса.

— И Томас жив, — добавила я, осторожно касаясь обожжённой кожи. Прикосновение отозвалось новой волной боли.

— А генерал? — Марта опустила арбалет, но не убрала его, только прислонила к стене в пределах досягаемости.

— Видела. — Я прошла к столу на негнущихся ногах и налила себе воды из глиняного кувшина. Руки тряслись так сильно, что половина расплескалась на столешницу. — Ближе видела. Слишком близко.

Я залпом осушила кружку. Вода была тёплой, застоявшейся, с привкусом глины — но сейчас она казалась вкуснее любого сока.

— Марта, монета работает. Он смотрел прямо на меня. Своим драконьим зрением, тем самым, которое видит сквозь иллюзии и ложь. — Я поставила кружку и обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. — Но он увидел что-то другое. Не меня. Не Элару. Что-то, от чего его передёрнуло. Ему не понравился запах.

— Ещё бы, — хмыкнула старуха, и в её голосе мелькнуло что-то похожее на мрачное удовлетворение. — Драконы и вампиры — естественные враги. Древняя вражда, ещё с тех времён, когда мир был молод, а боги ходили по земле. Для него ты теперь пахнешь не женщиной и не добычей. Ты пахнешь мертвечиной. Падалью. Тем, к чему не хочется прикасаться.

— Лучше пахнуть трупом, чем быть им, — я устало потёрла лицо ладонями. Кожа под пальцами казалась чужой, холодной. — Что будем делать? Город закрыт. Стража на всех воротах. Патрули на каждом углу.

Марта помолчала, разглядывая меня своими острыми, птичьими глазами. Потом отложила арбалет и захромала к прилавку. Нагнулась, кряхтя и охая, и достала из какого-то тайника потрёпанную книгу в кожаном переплёте. Переплёт был старым, потемневшим от времени, с едва различимым тиснением на обложке.

— Пока тебя не было, я тут кое-что вспомнила, — она положила книгу на стол и раскрыла на заложенной странице. — Про эту твою монету.

— И? — я подалась вперёд, вглядываясь в пожелтевшие страницы, испещрённые мелким убористым почерком и странными рисунками.

— Это не просто маскировка, Энн. — Марта постучала сухим пальцем по одному из рисунков — тому самому глазу, пронзённому иглой. — Не амулет защиты и не талисман удачи. Это приглашение.

— Приглашение? — я нахмурилась. — Куда?

— В теневой двор. — Старуха произнесла эти слова так, словно они обжигали ей язык. — Тайное место. Скрытое от глаз смертных, от солнечного света, от всех законов империи. Место,

где собирается нечисть. Вампиры, личи, призраки, оборотни. Все те, кого принято называть проклятыми, или порождениями тьмы. Такой двор есть в каждом городе, где обитают вампиры.

Она помолчала, глядя на меня поверх книги.

— Если вампир дал тебе эту монету, он ждёт, что ты придёшь к нему сама. По доброй воле. На его территорию, по его правилам.

— А если я не приду? — спросила я, хотя уже знала, что ответ мне не понравится.

— Если не придёшь... — Марта вздохнула и закрыла книгу. — Монета начнёт тебя звать.

— Звать? — я невольно бросила взгляд на свою лодыжку. — Как звать?

— Болью, девочка. Болью. — Старуха покачала головой. — Сначала лёгкое жжение. Потом — как сейчас, ожог. А потом... потом она начнёт прожигать тебя изнутри. Медленно. Неотвратно. Пока ты не побежишь к нему сама, умоляя о пощаде.

Я снова посмотрела на ожог на ноге. Он уже начинал пульсировать.

— Значит, сегодня ночью у меня свидание с вампиром, — мрачно подытожила я, откидываясь на спинку стула. — Потрясающе. Просто потрясающе. День начался с кошмара про бывшего мужа-убийцу, продолжился охотой на ведьм, а закончится романтическим ужином с кровососом.

Я невесело усмехнулась.

— Надеюсь, он предпочитает кровь третьей группы резус-положительный. А не мою бессмертную душу. Хотя, учитывая мою удачу, он наверняка захочет и то, и другое.

Марта не улыбнулась. Её лицо оставалось серьёзным и мрачным.

— Шутки шутками, девочка. Но в теневой двор просто так не ходят. Оттуда не все возвращаются.

— Знаю, — я тяжело поднялась со стула. Ожог на лодыжке пульсировал всё сильнее, напоминая о себе с каждым ударом невидимого сердца. — Но выбора у меня нет, правда?

Марта промолчала.

6

Боль пришла с закатом.

Сначала это было лишь неприятное жжение в лодыжке. Там, где монета касалась кожи. Терпимое. Почти незаметное. Я списала это на раздражение от кожного ремешка и продолжила помогать Марте с ужином.

Но стоило солнцу скрыться за крепостными стенами, стоило последним лучам погаснуть на черепичных крышах, как жжение сменилось чем-то иным. Ощущением, будто к ноге приложили раскалённый утюг. Или клеймо.

— Чёрт! — я зашипела сквозь зубы, роняя ложку в миску с рагу.

Ложка булькнула, разбрызгивая густую подливку. Пальцы свело судорогой. Боль пульсировала, будто монета имела собственное сердце.

Марта, сидевшая напротив, даже не подняла головы от своей тарелки.

— Зовёт, — констатировала она с невозмутимостью человека, обсуждающего погоду. Дрожащими руками оторвала кусок хлеба и макнула в подливку. — Я же говорила. Вампиры не любят ждать. Особенно когда они голодны. А древние... те вообще не понимают слова «нет».

Я стиснула зубы и стянула чулок приготовившись к худшему.

Зрелище было так себе. Даже по меркам врача «Скорой», повидавшего всякое.

Кожа вокруг ожога в форме глаза покраснела и воспалилась, натянулась, как барабанная перепонка. Сам ожог пульсировал. Медленно, ритмично, словно глаз на коже моргал. От метки вверх по ноге, к колену и выше, тянулись тонкие чёрные нити. Похожие на вены, заполненные чернилами. Или на корни ядовитого растения, прорастающего под кожей. Или на трещины в фарфоре, которые расползаются всё шире и шире.

— Если я не пойду? — спросила я, хотя уже знала ответ. Хотела услышать его вслух. Хотела, чтобы кто-то подтвердил: выбора нет.

— Тогда эти нити дойдут до сердца, — спокойно пояснила наставница, не прекращая жевать. — И оно остановится. Просто и элегантно. Заснёшь и не проснёшься.

Она помолчала, глотнула воды из кружки.

— Или, что ещё веселее, ты превратишься в безвольную куклу-гуля. Будешь пускать слюни, таращиться в пустоту и выполнять его приказы. Всё понимать, всё чувствовать, но ничего не мочь изменить. И уже без права на сарказм, девочка. Гули не разговаривают.

Я с грохотом отодвинула стул, вскакивая на ноги. Боль в лодыжке взвыла новой волной, но я её проигнорировала. Злость помогала. Злость всегда помогала.

— Прекрасная перспектива! Просто восхитительная! — Я заходила по комнате, размахивая руками. — Сначала муж хочет меня казнить на ритуальном алтаре. Теперь какой-то незнакомый кровосос решил взять меня в рабство!

Я остановилась у окна, глядя на сгущающиеся сумерки.

— У меня когда-нибудь будет хоть одна спокойная ночь? Без кошмаров, без незваных гостей, без попыток убить или поработить? Я за полгода в этом мире забыла, что такое «выспаться». Нормально выспаться. Восемь часов подряд. Без криков, без крови, без...

Я осеклась и невесело усмехнулась.

Хотя кого я обманываю? Мне и на прошлой работе «выспаться» никогда не светило. Ночные смены. Суточные дежурства. Вызовы в три часа ночи к пьяным дебоширам, которые успели порезать друг друга, соседей и собственную мебель. Нет, недосып — это моё хроническое состояние. Профессиональная деформация.

— На том свете отоспишься, — философски заметила Марта, поднимаясь из-за стола.

Она пошаркала к старому сундуку в углу. Массивному, окованному железом, с которого я всегда хотела стереть пыль, но почему-то забывала. Сундук скрипнул, когда она подняла крышку.

— Раздевайся.

— Что? — я моргнула, не уверенная, что правильно расслышала.

— Раздевайся, говорю. — Старуха порылась в недрах сундука, откуда повеяло запахом старой ткани, нафталина и чего-то пряного и сладкого. — Ты не пойдёшь к лорду ночи в своём рабочем фартуке, пропахшем травами, жабьей шкуркой и кровью Грога.

— Там что, дресс-код? — невольно хмыкнула я.

— Если ты про одежду, то ещё какой, девочка. Ещё какой. — Марта выпрямилась, держа в руках что-то тёмное и шелковистое. Теневой двор в Грейхолде собирается в руинах старого театра. Того самого, на холме за городом, где триста лет назад сгорела примадонна вместе со всей труппой. С тех пор там... особое место. Туда приходят все: благородные отбросы, богатые упыри, древние твари, которые помнят ещё первых императоров.

— Почему я раньше об этом ничего не слышала? — спросила удивленно.

— Потому что о них не принято говорить. Ты же знаешь, каких отбросов только в нашем городе нет.

Она подошла ко мне и развернула свою находку.

— Нужно выглядеть так, чтобы тебя не захотели сожрать сразу. Чтобы сначала присмотрелись. Заинтересовались. И только потом решали добыча ты или что-то поинтереснее.

Это было платье. Тёмно-синее, почти чёрное. Цвета ночного неба за мгновение до рассвета. Тяжёлый бархат струился в её руках, как жидкая тьма. От ткани пахло нафталином, лавандой и какими-то духами, сладкими и дерзкими одновременно.

Фасон был старомодным. Из тех времён, когда женщины носили корсеты, а мужчины напудренные парики. Глухой ворот, украшенный чёрным кружевом. Длинные рукава, сужающиеся к запястьям. Юбка в пол, тяжёлая и струящаяся.

Но спина...

Спина была открыта почти до поясницы. Два тонких шнура на лопатках — и ничего больше. Дерзко. Провокационно. Опасно.

— Это чьё? — я с сомнением посмотрела на наряд, потом на Марту. Сгорбленную старуху с артритными пальцами и вечно ноющей спиной.

— Моё, — усмехнулась она.

И в её выцветших, окружённых сеткой морщин, глазах вдруг мелькнуло что-то шальное. Тень той женщины, которая когда-то носила это платье и сводила с ума тех, кто на неё смотрел.

— Лет пятьдесят назад я в нём такое вытворяла... — она мечтательно качнула головой, и морщины на её лице на секунду разгладились. — В общем, надевай. Долгая история, как-нибудь расскажу. Если выживешь.

Я взяла платье. Бархат был неожиданно тёплым под пальцами, словно живым.

— Оно зачарованное, — добавила Марта. — На отвод глаз. Древняя магия, ещё довампирских времён. Те, кто увидят тебя, не запомнят лица. Только драконы, но у тебя для этого есть монета.

Она хитро прищурилась.

— А вот спину — спину запомнят. Такую спину забыть невозможно.

7

Путь до старого театра я помнила смутно, потому что за пределы города выбиралась очень редко и в основном по необходимости.

Боль в ноге гнала меня вперёд, служа лучшим навигатором, чем любая карта. Она пульсировала, указывая направление: левее, правее, прямо по переулку, через пустырь за складами. Чем ближе я подходила к цели, тем терпимее становилась боль. Словно хозяин на другом конце поводка ослаблял хватку, довольный моим послушанием.

Грейхолд ночью был страшен. Пустые улицы, залитые бледным светом двух лун. Заколотые окна, за которыми не горело ни единой свечи. И патрули — тёмные крылатые силуэты в небе, скользящие над крышами бесшумно, как хищные птицы. Драконы. Их чешуя поблёскивала в лунном свете, а глаза горели расплавленным золотом.

Но я шла тенями, прижимаясь к стенам, сливаясь с темнотой. Монета, как ни странно, помогала и здесь. Патрульные меня просто не замечали. Их взгляды скользили мимо, как вода по стеклу. Один дракон пролетел так низко, что я почувствовала ветер от его крыльев, но даже он не удостоил меня вниманием.

Руины театра возвышались на окраине города, как скелет гигантского зверя, павшего в давней битве. Купол давно обвалился, обнажив рёбра стропил. Колонны, некогда величественные, поросли плющом и покрылись трещинами. Мраморные ступени раскрошились, превратившись в груды щебня. Всё здесь дышало запустением и смертью.

Но стоило мне подойти к витым, покрытым ржавчиной кованым воротам, как боль в ноге мгновенно прошла. Словно кто-то выдернул раскалённую иглу из плоти. На смену пришёл приятный холодок, разлившийся по венам.

«Добро пожаловать», — прошелестел голос в моей голове. Он звучал как шёпот сухих листьев.

Ворота приоткрылись сами собой, без скрипа, без усилия. Я шагнула внутрь.

И ахнула.

Снаружи это были руины. Мёртвые камни, гнилые балки, запах плесени и запустения. Внутри... внутри царила иллюзия былого величия, настолько убедительная, что на мгновение я забыла, где нахожусь.

Магические светильники, десятки, сотни хрустальных шаров, заливали зал мягким золотистым светом, скрывая трещины и плесень. Потолок, который снаружи казался обвалившимся, здесь был целым, расписанным фресками с танцующими девами и грозowymi облаками.

На уцелевшем балконе, в тени бархатных портьер, играл оркестр. Музыканты были призрачными, сквозь их полупрозрачные фигуры проступали очертания кресел. Музыка была тягучей, мрачной, но завораживающе красивой.

И повсюду были... существа.

Кто-то выглядел почти как человек, но с чересчур бледной кожей, чересчур яркими глазами, чересчур острыми зубами в улыбках. Вампиры. Много вампиров. У кого-то за спиной трепетали перепончатые крылья. Чёрные, как ночь, с тонкими прожилками, похожими на паутину. Кто-то был закутан в плащ с капюшоном, но из-под ткани высывались руки с когтями вместо ногтей. Кто-то пил из бокала напитков, который пах слишком уж металлически.

Теневой двор. Место, где монстры притворяются аристократами. Или аристократы признают, что всегда были монстрами.

— Леди Энн.

Знакомый вкрадчивый голос раздался прямо над ухом. Так близко, что я почувствовала холодное дыхание на шее.

Я резко обернулась, едва не споткнувшись о подол платья.

Утренний гость. Здесь, в своей стихии, он выглядел иначе. Никакого дорожного плаща. Чёрный камзол, расшитый серебряными нитями, сидел на нём как влитой, подчёркивая широкие плечи и узкую талию. Белоснежная рубашка была расстёгнута на вороте, обнажая бледную кожу и тонкую серебряную цепочку с кулоном. Волосы, убранные назад днём, теперь свободно падали на плечи, делая его похожим на романтического героя из старого романа.

Красивого. Опасного. Мёртвого.

— Вы звали — я пришла, — я старалась держаться уверенно, хотя колени предательски дрожали. — Моя нога...

— О, это лишь напоминание. Небольшой стимул для нерешительных, — он склонил голову, изображая раскаяние, которого явно не испытывал. — Прошу прощения за грубость. Но вы ведь пришли — значит, метод работает.

Он взял мою руку — прежде чем я успела отдёрнуть — и поднёс к губам. Не коснулся кожи, но я почувствовала его дыхание — ледяное, как зимний ветер из открытой могилы.

— Лорд Эдриан Вейл. К вашим услугам.

— К моим услугам? — я всё-таки выдернула руку, отступая на шаг. — Вы поставили на меня клеймо, Эдриан. Выжгли свой знак на моей коже. И из-за вашей монеты мой... генерал де Крест теперь считает меня гниющим трупом. Он смотрел сквозь меня, как сквозь стекло!

— Но он вас не узнал, — вампир улыбнулся, обнажив чуть удлинённые клыки. Белые. Острые. Голодные. — Разве не этого вы хотели? Спрятаться от мужа-убийцы? Стать невидимкой для его драконьего зрения?

Земля ушла из-под ног.

Он знал. Он всё знал.

— Я... я не понимаю, о чём вы, — голос дрогнул, выдавая ложь. — Я вдова Риверс. Травница из...

— Полноте, дорогая.

Он взял меня под локоть — жёстко, по-хозяйски, не терпя возражений — и повёл вглубь зала, подальше от лишних ушей. Его пальцы были холодными даже сквозь бархат платья.

— Я ведь не дракон. Меня не обмануть перекрашенными волосами и нарисованными веснушками. — Его голос стал тише, интимнее. — Я слышу, как бьётся ваше сердце. Так же испуганно, как полгода назад, когда из вас выкачали почти всю кровь в склепе де Крестов. Когда лезвие вошло вам под рёбра. Когда вы должны были умереть.

Он наклонился к моему уху, и его шёпот обжёг холодом:

— Я чувствовал запах вашей крови тогда, Элара. Кровь вашего рода — рода Морнингстар — пахнет... опьяняюще. Древняя магия, замешанная на звёздном свете. Я был неподалёку в ту ночь. Надеюсь поживиться остатками. Но вы, к моему удивлению, выжили. Встали. Ушли. Это было... занимательно.

Я остановилась, вырвав локоть из его хватки. Повернулась. Посмотрела ему в глаза — мёртвые, болотные, вечные.

— Если вы знаете, кто я, почему не сдали меня ему? Валиан заплатил бы вам гору золота. Десять тысяч за мою голову — достаточно, чтобы купить целый город.

— Золота у меня достаточно, — он небрежно махнул рукой, словно речь шла о медяках. — Несколько веков существования позволяют накопить... приличную сумму. А вот драконов я, мягко говоря, недолюбиваю.

Его лицо на мгновение исказилось чем-то похожим на ненависть — древнюю, глубокую, выжженную в костях.

— Они захватили множество городов, которые никогда им не принадлежали. Они диктуют свои правила. Они жгут тех, кто не согласен. И они... — он помедлил, подбирая слова, — мешают моему бизнесу.

Он подвёл меня к нише, скрытой от основного зала тяжёлыми портьерами. Здесь стоял столик красного дерева, уставленный напитками в хрустальных графинах. Эдриан налил бокал густой красной жидкости и протянул мне.

— Вишнёвый сок. Не бойтесь.

Я с сомнением посмотрела на бокал.

— Кровь я предпочитаю брать из первоисточника, — добавил он с улыбкой. — Так... свежее.

Я взяла бокал просто чтобы занять руки. Стекло было холодным, как и пальцы моего собеседника. Рядом стояло мягкое кресло — глубокое, обитое тёмно-красным бархатом. Эдриан жестом предложил сесть. Я подчинилась. Не потому что хотела — потому что ноги отказывались держать.

— Что вам нужно, Эдриан? — спросила я прямо. — Вы ведь не ради благотворительности спрятали меня от драконов. Не из доброты душевной выжгли клеймо на моей ноге.

— Верно.

Вампир перестал улыбаться. Маска светского льва слетела, обнажая хищника под ней. Его лицо стало серьёзным, жёстким, опасным.

— Валиан де Крест — кость в моём горле. Уже много лет. Он захватил этот регион, установил свои порядки, сжёг дюжину моих шпионов. Но главное... — Эдриан склонился ко мне, понижая голос, — главное — он запечатал свой родовой замок. Крепость де Крестов. А внутри этого замка хранится нечто, что по праву должно принадлежать... скажем так, более достойным силам.

— Причём тут я?

— При том, что лобовая атака на дракона — это самоубийство, — Эдриан откинулся на спинку кресла, скрестив длинные ноги. — Поверьте, я пробовал. Его защита непробиваема, пока он бдителен. А стены замка напитаны магией его крови. Той самой, что течёт в жилах его рода уже тысячу лет.

Он сделал глоток из своего бокала, не сводя с меня пристального взгляда.

— Чтобы забрать то, что мне нужно, мне нужен кто-то, кто обойдёт защиту. Кто-то, кто будет ему близок, кого уложит в свою постель и не осознавая того откроет все двери.

— И чем же я могу помочь? — перебила я, хотя уже понимала, к чему он ведёт. — Я всего лишь беглая жена. Лекарь. Никто. Я боюсь собственной тени и вздрагиваю от каждого стука в дверь.

— О, вы себя недооцениваете.

Он протянул руку и провёл пальцем по моему обнажённому плечу — там, где платье оставляло кожу открытой. Прикосновение было ледяным, и меня передёрнуло — не от холода, от отвращения.

— Вы — его аномалия. Его ошибка. Его незакрытый гештальт. Сегодня у ратуши я видел, как он смотрел на вас. Его дракон внутри беснуется. Рвётся наружу. Он не понимает, почему вы «мертвы» для его магии, но живы для его глаз. Почему он чувствует вашу кровь, но не может вас найти.

Эдриан наклонился ближе, и его глаза вдруг вспыхнули красным.

— Это сводит его с ума. А загадки... загадки притягивают таких, как он, сильнее, чем любая открытая книга. Сильнее, чем красота. Сильнее, чем власть.

Он заглянул мне в глаза, и я почувствовала, как его воля попыталась подавить мою. Она ввинчивалась в мозг, как штопор в пробку.

— Я предлагаю сделку, Элара. Простую сделку.

Я моргнула, отгоняя туман из головы. Тёмная магия в шраме на груди зашевелилась, отталкивая чужое вторжение.

— Что я должна делать?

— Соблазни его.

8

Он произнёс это спокойно. Буднично. Словно речь шла о походе на рынок за овощами.

— Заставь его забрать тебя с собой. В крепость. В его логово. В его постель.

— Забрать?!

Я поперхнулась воздухом. Бокал со звоном встал на стол, содержимое плеснуло через край, заливая скатерть багровым пятном.

— Вы в своём уме?! Я бегу от него! Полгода скрываюсь, меняю имена, крашу волосы в чужой цвет! Живу как крыса, шарахаюсь от каждой тени! А вы предлагаете мне добровольно сунуть голову в петлю?!

Я резко встала, едва не опрокинув кресло. Ножки заскрежетали по камню.

— Нет. Нет и ещё раз нет. Ищите другую дуру.

Я развернулась, собираясь уйти. К чёрту этот маскарад. К чёрту Теневой двор. К чёрту вампира с его играми разума.

Пусть снимает защиту. Пусть Валиан меня найдёт. Лучше быстрая казнь от мужа-дракона, чем вечность в лапах древнего зла. По крайней мере, Валиан убьёт быстро. Кинжал в сердце, несколько секунд боли, темнота. Этот будет мучить вечность. Пить по капле, растягивая удовольствие.

— Сядь.

Голос Эдриана не повысился ни на тон. Он даже не изменился — тот же ленивый, скупающий голос светского бездельника. Но в нём лязгнула сталь. И приказ. Древний, властный, не терпящий возражений.

Я замерла на полушаге.

Тело предало меня. Просто отказалось подчиняться. Ноги не двигались, словно приросли к полу. Руки висели плетью. Я хотела идти, хотела бежать, хотела закричать, но мышцы не слушались. Связь между мозгом и телом оборвалась, как перерезанный провод.

Против воли я развернулась и опустилась обратно в кресло.

— Ты, кажется, не поняла расклада, милая.

Эдриан медленно покрутил перстень на пальце. Внутри камня что-то шевельнулось. Что-то живое. Голодное. Оно смотрело на меня сквозь грани.

— Ты думаешь, я торгуюсь? Предлагаю варианты? Прошу об услуге?

Он покачал головой, и его улыбка стала острой, как лезвие бритвы.

— Нет, дорогая. Я диктую условия.

Он взмахнул рукой над поверхностью стола. Небрежно, почти лениво, как фокусник, показывающий трюк, который проделывал тысячу раз. Воздух зарыбил, сгустился, потемнел. И передо мной возникло дрожащее, как отражение в потревоженной воде, изображение.

Моя лавка.

Мансарда под крышей. Знакомая комната с низким потолком и скошенными стенами. Кровать с железной спинкой. Лоскутное одеяло, которое Марта шила сама. На кровати, укрывшись этим одеялом, спала она. Подложила ладонь под щеку, как ребёнок. Безмятежно посапывала, не подозревая о том, что происходит за тонким стеклом окна.

А за окном, на карнизе, сидела тень.

Тёмная. Бесформенная. С горящими красными глазами, похожими на угли. Тень медленно, почти нежно, скребла когтями по стеклу. Длинные чёрные когти оставляли на поверхности белёсые царапины. Скрип был еле слышен, но от него по спине пробежал озноб.

У меня внутри всё похолодело. Желудок скрутило в тугой узел.

— Марта...

— И не только она.

Картинка сменилась. Рябь прошла по изображению, и я увидела другое место.

Камера в подвале ратуши. Сырые стены, покрытые плесенью и селитрой. Гнилая солома на полу. Тусклый свет, пробивающийся сквозь решётку под потолком. И Томас.

Пекарь, которого я лечила сегодня, сидел в углу камеры, прижавшись спиной к стене. Он прижимал к груди флакончик с моим лекарством, как святыню. Его губы шевелились беззвучно. Он то ли молился, то ли считал до ста, чтобы не сойти с ума от страха.

А в противоположном углу камеры, прямо из щели между камнями, сочилась чёрная слизь.

Медленно. Капля за каплей. Она стекала вниз по стене, собираясь в лужу на полу. И лужа шевелилась. Пульсировала. Формировалась. Обретала очертания силуэта с длинными руками, без лица, без глаз, без ничего человеческого.

— Убери их!

Я вскочила на ноги, сжимая кулаки. Голос сорвался на визг.

— Убери их сейчас же!

— Уберу.

Эдриан щёлкнул пальцами. Картинка исчезла, растворившись в воздухе. Но ужас остался. Он плескался внутри, заполняя грудь, сдавливая сердце, не давая дышать.

— Уберу, если мы договоримся.

Голос вампира стал жёстким, деловым. Никакого сочувствия. Никакого притворства. Чистый, незамутнённый шантаж.

— Мои тени голодны, Энн. Они ждут приказа. Одно моё слово и тень разобьёт окно в мансарде.

Он наклонился ко мне через стол. Его лицо оказалось в опасной близости. Я видела каждую деталь: идеальную бледную кожу, тонкие губы, мёртвые глаза, в которых не было ничего человеческого.

— Старуха умрёт не сразу. Тени любят играть с едой. Они выпивают жизнь по капле. Медленно. Мучительно. Часами. Иногда днями. Она будет чувствовать, как из неё вытягивают душу, но не сможет даже закричать.

Он выпрямился, скрестив руки на груди.

— Твой отказ — это их смертный приговор. Ты готова жить с этим, Энн? Готова знать, что добрая старушка, спасшая тебе жизнь, будет выпотрошена из-за твоего упрямства? Что безобидный пекарь, который просто оказался не в том месте, захлебнётся собственной кровью?

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвляла. Помогала думать.

Но думать было не о чем.

Он просчитал меня. Полностью. До последней косточки. Он знал, что за свою жизнь я драться не буду. Моя жизнь и так висела на волоске последние полгода. Но за своих людей — пойду на всё.

Даже в постель к убийце.

— Ты чудовище, — выдохнула я, глядя в его мёртвые, красивые глаза. — Хуже дракона. Хуже всего, что я встречала в этом мире.

— Я политик, — он пожал плечами. Лицо снова приняло скучающее выражение, маска вернулась на место. — И я жду ответа. Да или нет?

Он поднял руку, готовясь щёлкнуть пальцами.

— Если «нет» — я щёлкаю, и Марта просыпается в объятиях смерти. Если «да» — тени станут их охраной. Ни один волос не упадёт с их голов, пока ты работаешь на меня.

Я закрыла глаза.

Перед мысленным взором стояло лицо Марты. Морщинистое, ворчливое, родное. Лицо женщины, которая подобрала меня полумёртвой на дороге под дождём. Которая не задавала

вопросов. Которая выходила меня, научила всему, стала семьёй в мире, где у меня не было никого и ничего.

— Да.

Мой голос прозвучал глухо. Мёртво. Словно из-под земли.

— Я сделаю это.

— Вот и умница.

Эдриан удовлетворённо кивнул и протянул мне бокал — мой бокал, который я отставила.

— Выпьем за сделку. Ты открываешь мне ворота — я дарю жизнь твоим питомцам. Честный обмен.

«Честный», — подумала я с горечью, принимая бокал. — *«Как честен волк, предлагающий овце охрану в обмен на шерсть. И мясо. И кости».*

Вишнёвый сок был холодным и горьким на вкус. Или это горечь была моя собственная.

В этот момент музыка стихла.

Не затихла постепенно, не замерла на финальном аккорде. Оборвалась. Резко, на полувзвук, словно невидимая рука сдавила горло скрипачу. Призрачные музыканты на балконе заматались, теряя форму, растворяясь в воздухе клочьями тумана.

Магические светильники мигнули. Раз. Другой. Третий. Словно от порыва ветра. Словно от приближающейся бури. Свет стал тусклее, тени в углах — гуще и темнее.

Эдриан, стоявший рядом со мной, вдруг подобрался.

Расслабленная поза хищника, сытого и довольного, сменилась напряжением готового к прыжку зверя. Его плечи окаменели. Глаза сузились. Пальцы на ножке бокала сжались так, что хрусталь жалобно скрипнул, покрываясь сетью мелких трещин.

— Что за... — прошипел кто-то из гостей слева.

Вампир с перепончатыми крыльями отступил к стене, оскалив клыки. Его спутница в чёрном платье зашипела, как разъярённая кошка. По залу прокатилась волна беспокойства.

Грохот.

Удар заставил меня подпрыгнуть на месте и схватиться за спинку кресла. Тяжелый дуб и старые оковы не стали преградой. Створки не открылись, пропуская гостя, а взорвались, осыпая мраморный пол градом искореженного металла и древесного крошева. Один острый осколок пролетел в сантиметре от моего лица. Петли вырвало из стен вместе с кусками камня.

Иллюзия рухнула.

Она дрогнула и пошла трещинами, как разбитое зеркало. Осколки красоты осыпались, обнажая правду. Золотая лепнина превратилась в гнилую штукатурку, свисающую клочьями. Хрустальные люстры — в ржавые железные обручи с огарками свечей. Бархатные портьеры — в истлевшие тряпки, висящие на голых, покрытых плесенью стенах.

Мраморный пол оказался растрескавшимися плитами, заросшими мхом и лишайником. Между плитами пробивались бледные грибы. В углах скопился мусор и кости — чьи-то кости, я не хотела думать чьи.

Руины. Настоящие руины. Скелет здания, притворявшегося живым.

В проёме, в клубах пыли и дыма, стоял Валиан.

Он был не один.

За его широкой спиной, заполняя коридор от стены до стены, замер отряд в чёрно-красных мундирах. «Чёрные драконы» — элита империи, личная гвардия генерала, о которой рассказывали шёпотом и с ужасом. Их было не меньше двадцати. Все с глазами, горящими тем же огнём, что и у командира. Они стояли неподвижно, как статуи, но от них веяло угрозой.

А ладони генерала были объаты пламенем.

Ревущим, ослепительно-оранжевым, живым. Огонь не обжигал его — он струился по пальцам, как жидкая лава, обвивал запястья, поднимался к локтям. Пламя гудело от напряже-

ния, пульсировало, рвалось наружу, жажда сжечь, уничтожить, испепелить. От жара воздух над его руками дрожал и плавился.

— Именем империи! — Голос Валиана, усиленный магией, ударил по ушам, как раскат грома. — Всем оставаться на местах! Любое движение будет расценено как нападение! И покарано соответственно!

Я вжалась в нишу, вцепившись в портьеру, вернее в то, что от неё осталось. Истлевшая ткань рассыпалась под пальцами облаком пыли и трухи. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Он выглядел страшно.

Идеальный чёрный мундир с серебряными драконами на петлицах сидел как влитой, подчёркивая ширину плеч и узкую талию. Чёрные волосы растрепал ветер от собственного пламени. Черты лица заострились, словно отлитые из холодного металла. Безупречные, жесткие и абсолютно неживые.

Ни тени сомнения. Ни капли страха. Ни намёка на колебание.

А в глазах горело то же пламя, что и на руках. Золотое. Драконье.

Взгляд палача, пришедшего вершить суд.

Валиан шагнул внутрь, наступая тяжёлым сапогом на обломки двери. Хруст дерева под подошвой прозвучал как хруст костей. Его бойцы растеклись вдоль стен, отсекая пути к отступлению. Двигались они синхронно, как единый организм, как стая волков, загоняющих добычу.

Взгляд генерала скользнул по залу и остановился.

На нас.

Точнее, на Эдриане.

— Так вот где прячется рейхольдская крыса.

Валиан процедил эти слова с такой брезгливостью, словно говорил о чём-то омерзительном. О том, что нужно сжечь и забыть.

— Я думал, «лорд ночи» — это серьёзный противник. — Он сделал ещё шаг, и огонь на его руках взревел ярче, выбрасывая искры. — А вижу обычного кровососа в дешёвом камзоле, нарушающего комендантский час и прячущегося по руинам, как бродяга.

Я скосила глаза на Эдриана.

Вампир улыбался. Но улыбка была не светской, а злой, острой и полной предвкушения. В мёртвых глазах впервые за вечер плясали весёлые искры. Его явно забавляло то, что генерал так о нем говорит.

— Генерал де Крест.

Эдриан протянул имя лениво, растягивая гласные. Словно они были на светском приёме, а не в окружении солдат с горящими мечами.

— Вы ворвались в частное владение без приглашения. Разнесли дверь, которая старше вашей династии. Нарушили покой моих гостей.

Он щёлкнул языком, качая головой с притворным сожалением.

— Где ваши манеры, генерал? Ваша мать не учила вас стучаться?

— Мои манеры остались за порогом.

Валиан поднял руку. Сгусток огня на его ладони разгорелся ярче, превращаясь в пульсирующий шар размером с человеческую голову. Жар достиг даже меня, стоящей в стороне, опалил щёки, высушил губы.

— Вместе с жалостью. Сдайся, упырь, и я подарю тебе быструю смерть. Одно мгновение — и пепел. Ты даже боли не почувствуешь. Сопровителюсь — и я испепелю этот притон дотла. Вместе с тобой. Вместе со всеми твоими... гостями.

Я вцепилась в остатки портьеры до побелевших костяшек. Ткань рассыпалась под пальцами прахом. Воздух вокруг генерала дрожал и плавился от жара. В его глазах — ни тени сомнения. Ни намёка на колебание.

Он сожжёт. Всех. Включая меня.

Эдриан неожиданно наклонился ко мне. Его ледяное дыхание коснулось щеки, контрастируя с жаром от огня.

— Смотри, Энн, — прошептал он мне на ухо. От него пахло холодом, вишней и лилиями.

— Смотри на него. Он так уверен в себе. Так слеп. Так предсказуем.

Его ледяные сильные пальцы впились мне в плечи. Больно. До синяков.

— Пора испортить ему триумф.

— Нет...

Но было поздно.

Эдриан с нечеловеческой силой толкнул меня в спину. Мир кувыркнулся. Ноги оторвались от пола.

— Лови подарочек, генерал!

В его голосе звенел смех. Чистый, искренний, весёлый смех безумца, наблюдающего за катастрофой.

Я пролетела несколько метров — целую вечность в воздухе. Чудом не переломала ноги. Мир вращался, мелькали лица, огни, тени, потолок, пол. Чтобы не упасть носом в камень, я затормозила единственным доступным способом — проехавшись подошвами по плитам, оставляя на них чёрные полосы.

И замерла.

Прямо перед Валианом.

Между моей грудью и его пылающей рукой оставалось полметра. Может, меньше. Я чувствовала жар — он опалял лицо и заставлял слезиться глаза. Огонь ревел, требуя выхода.

— Не стреляйте!

Крик вырвался инстинктивно. Я закрылась руками в жалкое бессмысленное жесте. Руки не остановят драконий огонь. Ничто не остановит.

Тишина.

Я рискнула приоткрыть один глаз.

Валиан застыл.

Огонь в его руке не погас, но замер, перестал реветь и пульсировать. Превратился в неподвижный шар, застывший в воздухе.

Генерал смотрел на меня.

Его брови поползли вверх, ломая маску ледяной ярости. Золотые драконьи глаза сузились, изучая. Он смотрел на бархатное платье, облегающее мое тело. На рыжие волосы, выбившиеся из причёски. На лицо — лицо, которое он видел сегодня уже дважды.

Но сейчас...

Сейчас что-то изменилось.

Его ноздри дрогнули, втягивая воздух. Зрачки расширились.

— Ты? — Он выдохнул это короткое резкое слово, полное недоумения. — Опять ты?

9

— Добрый вечер, — просипела я, чувствуя себя полной идиоткой.

Голос сорвался на хрип. В горле пересохло. Сердце колотилось где-то в районе кадыка, мешая глотать.

— Я... я здесь случайно.

Даже мне самой эти слова показались нелепыми и абсурдными.

— Случайно?

Валиан прищурился. Пламя в его ладони стало ярче, разгораясь от оранжевого до ослепительно-белого. Свет залил пространство между нами, углубив тени под скулами и бровями. Жёсткие черты. Сжатые челюсти. Глаза, в которых плясали отблески огня.

— В вечернем платье? — он окинул меня взглядом с головы до ног. — В логове вампиров? Пьёшь с их главарём? Для «случайной прохожей» у тебя слишком специфический круг общения.

Он сделал шаг вперёд. Жар от его пламени опалил мне щёки.

— Ты с ними?

Я открыла рот, чтобы ответить, объяснить, оправдаться. Сказать хоть что-то, что не звучало бы как бред сумасшедшей.

Но не успела.

— Убейте его!

Властный, ледяной голос Эдриана хлестнул из темноты за моей спиной.

И начался ад.

Магические светильники погасли разом, словно кто-то задул тысячу свечей одним вдохом. Тьма обрушилась на зал, густая и плотная. Только пламя в руках Валиана разгоняло её, создавая островок света посреди чёрного океана.

Вокруг засвистели тени.

Они отрывались от стен, от пола, от потолка. Они неслись к нам со всех сторон, шипя и скалясь. Красные глаза вспыхивали во тьме, как угли. Когти скрежетали по камню.

Кто-то прыгнул с балкона. Крылатый силуэт мелькнул в воздухе, раззявив пасть, полную игольчатых зубов.

Валиан не стал тратить время на слова.

Он просто выбросил руку вперёд.

Поток сплошного огня, похожий на струю из огнемета, пронёсся мимо меня. Я почувствовала жар на лице, в волосах, на коже. Казалось, ещё секунда — и я загорюсь сама. Огненная река врезалась в толпу нападающих вампиров.

Визг, вой и треск горящей плоти слились в один кошмарный хор.

Я рухнула на пол, закрывая голову руками. Чистый, первобытный инстинкт выживания заставил вжаться в камень и молиться, чтобы пронесло.

Вокруг грохотало. Рёв огня, крики вампиров, звон стали. Воздух пропитался запахом палёного мяса и серы. Искры сыпались, как снег, обжигая кожу.

Рядом со мной, сбив тяжёлый канделябр, упала женщина.

Бледная, в разодранном шёлке. Вампирша? Человек? Я не знала. Не могла понять. Её тело дёрнулось в конвульсии, спина выгнулась дугой, пальцы скребли по камню. Из рта вырвался хриплый, булькающий звук.

А потом она обмякла.

Вспышка белого огня от магии Валиана ударила по сетчатке, ослепляя. Мир превратился в белое пятно, в котором не было ничего, кроме боли в глазах и грохота в ушах.

В ушах зазвенело. Тонкий, противный звук на одной ноте, который я знала слишком хорошо. Звук контузии, звук аварии, звук, после которого мир никогда не бывает прежним.

Этот звон перекрыл звуки битвы.

Грохот магии превратился в скрежет сминаемого металла, в визг тормозов, в звон разбитого стекла. Запах горелой плоти исчез, и нос забило резкой, тошнотворной вонью бензина и мокрого асфальта.

Я моргнула, стряхивая пепел с ресниц.

Наваждение не ушло.

Мраморный пол под моими ладонями стал шершавым и ледяным, как ноябрьская трасса. Бархатное платье превратилось в промокшую форму с отражателями. Руины бального зала — в месиво из покорёженного металла и битого стекла.

Передо мной лежала не вампириша.

Передо мной лежала «пострадавшая». Код жёлтый. Женщина, около тридцати, извлечена из автомобиля. ЧМТ, возможный пневмоторакс, геморрагический шок. Зрачки расширены. Дыхание поверхностное. Пульс нитевидный.

— Сумку!

Я заорала, не узнавая своего голоса. Он был хриплым, сорванным. Голос врача, который провёл на вызовах двадцать часов без перерыва.

— Дефибриллятор ко мне, живо! Где вас черти носят?!

Я метнулась к лежащей.

Руки двигались быстрее мысли. Жёсткие, точные движения, отработанные за десять лет до автоматизма. Пальцы легли на сонную артерию, нащупывая пульс.

Тишина. Ни толчка, ни дрожания — ничего.

Я прильнула ухом к груди, слушая сердце. Снова тишина.

— Остановка! — выдохнула я. — Клиническая смерть! Время не фиксируем! Работаем!

Я рванула ворот её платья. Дорогая ткань затрещала под пальцами. Пуговицы брызнули в стороны, как осколки лобового стекла после удара. Обнажилась бледная кожа, рёберная клетка, мечевидный отросток.

Точка компрессии: нижняя треть грудины, два пальца выше мечевидного отростка. Я сложила руки замком, выпрямила локти, расположила плечи строго над грудиной.

— Раз, два, три...

Навалилась всем весом, качая ритм. Сто компрессий в минуту. Глубина — пять сантиметров. Полная декомпрессия между толчками.

— Качай, Аня, качай... — шептала я себе под нос, глядя в остекленевшие глаза женщины.

— Не смей уходить. У нас реанимация забита. Нет мест. Дыши давай! Дыши, чёрт тебя дерит!

Под ладонями отчётливо хрустнуло.

Рёбра, второе или третье. Нормально, бывает, плевать. Лучше сломанные рёбра, чем чёрный пакет и морг.

— Адреналин! Кубик!

Я протянула руку в пустоту, не прекращая компрессий. Автоматический жест. Тысячу раз отработанный. Фельдшер должен вложить шприц в ладонь. Должен. Обязан.

Но вместо пластика пальцы схватили пустоту.

— Где шприц?!

Я в ярости обернулась, не прекращая качать.

— Лена, мать твою, ты уснула?! Адреналин! Один кубик! Внутривенно! Сейчас!

Никакой Лены не было.

Не было мигалок «скорой». Не было носилок. Не было оранжевых жилетов МЧС и синих проблесковых маячков полиции. Не было запаха бензина и звука дождя по крыше.

Были руины.

Гнилая штукатурка на стенах. Разбитые плиты под коленями. Истлевшие тряпки вместо
портьер. Запах тлена, плесени и старой крови.

И он, в упор глядящий на меня, как на недоразумение.

10

Валиан стоял прямо надо мной. В шаге. Вокруг него кипел бой, но он стоял неподвижно, опустив пылающие руки.

Его взгляд скользнул по моим рукам. Я опустила глаза: пальцы тряслись мелкой, противной дробью, сводимые судорогой. Потом он посмотрел мне в лицо. Я чувствовала, как онемели губы, словно после укола лидокаина. Периферийное зрение отключилось, мир вокруг — стены, бой, вспышки — размылся в серую, невнятную кашу. Четким, пугающе резким оставался только Он.

В его глазах не было ни насмешки, ни брезгливости. Лицо оставалось жестким, но абсолютно спокойным. Он не отшатнулся. Он смотрел на меня в упор — тяжело, сосредоточенно. В его взгляде не было вопроса «что с тобой происходит?». В нем читался холодный диагноз. Будто моя истерика для него была чем-то понятным, знакомым и... обыденным.

Асфальт под моими коленями снова стал холодным мрамором. Иллюзия рассыпалась, оставляя меня один на один с реальностью и этим тяжелым, понимающим взглядом.

— Что ты делаешь? — спросил он. Тихо. Голос прорезал грохот битвы, как скальпель. Это был не вопрос, а приказ вернуться в реальность.

Я застыла, все еще держа ладони на груди женщины. Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться, но туннель не исчезал.

— Я... — голос сорвался, в горле першило. — У нее остановка... Я пытаюсь завести...

— Завести сердце вампиру? — голос Валиана прозвучал спокойно, с оттенком мрачной иронии.

Я перевела взгляд на свою «пациентку». Ее глаза были открыты. Вертикальные зрачки, налитые кровью, смотрели на меня с ненавистью. Рот открылся, и я увидела не человеческие зубы, а частокол игл. Вампирша набрала воздух, чтобы зашипеть или вцепиться мне в лицо.

Она не успела. Валиан не стал ждать. Он просто разжал пальцы. Сгусток белого пламени упал вниз. Лениво. Как окурок.

— Не надо! — прохрипела я.

Огонь коснулся лба твари. Не было крика. Не было запаха гари. Была короткая и сухая, как хлопок лопнувшей лампочки, вспышка. Тело под моими руками мгновенно, за долю секунды, рассыпалось. Плоти больше не было. Костей не было. Мои ладони, которые секунду назад с силой давили на упругую грудную клетку, с глухим стуком ударились об пол, провалившись в пустоту. Я по инерции клюнула носом вперед, оказавшись на четвереньках в горстке серого, горячего пепла.

Я смотрела на свои руки. Они были серыми от праха. Того, кого я спасала, больше не существовало. Он стер её. Просто стер, не моргнув глазом.

Меня замутило. Желудок скрутило спазмом. Реальность, только что вернувшаяся, оказалась страшнее галлюцинации. Я медленно подняла голову. Валиан все так же стоял надо мной. На его лице не дрогнул ни один мускул. Для него это было не убийство. Это была уборка мусора.

— Вставай, — бросил он, протягивая мне руку в черной перчатке. — И отряхнись. Ты вся в грязи.

Я посмотрела на его руку. На черную кожу перчатки. В голове билась одна мысль: *«Ты следующая. Он снова воткнет в твою грудь кинжал и поминай, как звали».*

Я завизжала. Тонко, на одной ноте. И, оттолкнувшись от пола, бросилась прочь. Не к выходу, не в укрытие, а просто от него. Куда глаза глядят.

Я бежала слепо, спотыкаясь о куски лепнины и едва не падая. Поднимая ногами горстки пепла, что кучками лежали на полу.

— Стоять! Крик ударил в спину. Свист. Огненный хлыст сорвался с руки генерала. Он обвился вокруг моей талии, обжигая даже сквозь бархат платья. Рывок! Меня дернуло назад с такой силой, что воздух выбило из легких. Ноги оторвались от земли. Мир перевернулся.

Я врезалась спиной в его грудь. Жесткую, как каменная стена. Железная хватка сомкнулась на моем горле, перекрывая кислород.

— Куда?! — рыкнул он мне в ухо.

Я билась в его руках, царапала его мундир ногтями, испачканными в пепле вампира. Я не кричала только потому, что воздуха не хватало. Пыталась вырваться, как пойманный заяц.

— Тихо! — он встрахнул меня так, что из глаз посыпались искры.

Валиан развернул меня к себе, заломив руки за спину одной рукой, а второй схватил за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

— Ты спятила? — в его голосе было искреннее непонимание. — Ты пыталась оживить труп, а теперь бегаешь по полю боя, как курица с отрубленной головой.

Я смотрела на него расширенными от ужаса глазами, хватая ртом воздух. Его зрачки сузились. Он вглядывался в мое лицо, сканируя. Я почувствовала, как монета в сапоге раскалилась добела. Боль пронзила ногу, но страх перед генералом был сильнее.

Валиан нахмурился.

— Пустая... — прошипел он. — Опять эта чертова пустота. Глаза безумные, сердце колотится как у птицы, а в ауре — ноль. Кто ты, черт возьми?

К нам подбежал полковник. Остальные солдаты добивали последних вампиров у стен.

— Генерал! Периметр чист. Главарь ушел порталом. Что с этой? — он кивнул на меня. — В расход? Она явно не в себе.

Я замерла, перестав вырываться. Жизнь повисла на волоске. Валиан молчал секунду, разглядывая меня. Он видел пепел на моих руках. Видел мой животный ужас. Его пальцы на моем подбородке разжались, но хватка на талии осталась стальной.

— Полковник, — голос Валиана звучал пугающе ровно, он даже не повернул головы к офицеру. — Ваша задача — сровнять эти руины с землей. Сожгите здесь всё. Чтобы даже духа этой падали не осталось.

Офицер вытянулся в струнку.

— Будет исполнено! А... задержанная? Отправить конвой в городскую тюрьму? Или к дознавателям?

Валиан, не разжимая хватки, развернул меня к выходу, полностью игнорируя вопрос подчиненного.

— Задержанная — больше не ваша забота. Выполнять.

— Но, милорд... — полковник растерянно моргнул.

Валиан остановился и медленно обернулся через плечо. В его глазах полыхнул такой холод, что офицер поперхнулся воздухом.

— Я неясно выразился?

— Никак нет! Виноват!

Валиан больше не удостоил его ни словом, ни взглядом. Он жестко перехватил меня за плечо и потащил прочь из разрушенного зала, буквально волоча за собой, так как мои ноги заплетались.

Мы вышли в прохладную, пахнущую гарью ночь. У разбитых ступеней театра, нервно фыркая и перебирая копытами, ждал его огромный вороной жеребец. Поводья держал адъютант, который при виде шефа тут же отступил.

Валиан легко, как ребенка, подхватил меня и усадил в седло впереди себя. Я оказалась зажата между высокой передней лукой и его жесткой грудью, когда он вскочил следом. Его руки, горячие даже сквозь перчатки, обхватили меня с двух сторон, перехватывая поводья.

Я оказалась в капкане. Спинай я чувствовала жар его тела, а перед глазами мелькала черная грива зверя.

— Но! — крикнул Валиан.

Конь рванул с места, высекая искры из брусчатки и унося нас прочь от руин. План Эдриана сработал идеально. Я еду в замок. Вот только тот, кто везет меня туда, считает меня не шпионкой, а непонятной зверушкой, которую он забрал в свою нору, чтобы изучить на досуге.

11

Поездка на огромном жеребце генерала — то еще удовольствие.

Особенно когда сидишь впереди, зажатая в кольцо чужих рук, словно добыча в когтях хищника. Особенно когда спиной чувствуешь жар тела своего личного кошмара, который полгода назад вонзил тебе кинжал в грудь и оставил умирать на каменном алтаре.

Ледяной ночной ветер хлестал по щекам, заставляя глаза слезиться. Слёзы мгновенно застывали на ресницах. Мимо проносились тёмные силуэты домов. Спящий Грейхолд, не подозревающий о драме, разыгравшейся в руинах старого театра. Редкие фонари сливались в одну смазанную световую полосу, мелькая, как вспышки в приступе мигрени.

Я старалась не дышать.

Но это было невозможно. Запах Валиана забивал ноздри, проникал в лёгкие, оседал на языке. Жар его тела, противоестественный для человека, проникал сквозь слои одежды, согревая мою спину. Он был как печка. Как само драконье пламя, заточённое в человеческой оболочке.

Меня тошнило от этой близости. От его рук на поводьях, которые касались моих боков при каждом повороте. От его дыхания на макушке. От самого факта, что я прижата к нему, как... как жена к мужу.

Но тело, оцепеневшее от ледяного ветра, предало разум. Оно само тянулось к живой печке, жадно впитывая тепло, наплевав на то, кому это тепло принадлежит. Инстинкт выживания оказался сильнее гордости и страха.

Мы сменили три портала, пока добрались до нужной дороги. К слову, моя магия с ними резонирует и меня не на шутку тошнит, поэтому я предпочитала оставаться в Грейхолде, когда Марта гуляла по ярмаркам в других городах.

Впереди, на скале, нависающей над городом чёрным зубом, показалась крепость.

Крепость де Крестов.

Чёрная громада башен, пронзающих ночное небо, словно копья, направленные в звёзды. Зубчатые стены, похожие на челюсти гигантского дракона, готовые сомкнуться на любом, кто осмелится приблизиться. Узкие бойницы, в которых не горел свет, а только изредка мелькали тени патрульных. Массивные контрфорсы, вросшие в скалу, будто замок и гора были единым целым.

Шрам на груди занял фантомной болью — тупой, ноющей, пульсирующей в такт сердцебиению. В горле встал ком, перекрывая дыхание. Пальцы судорогой вцепились в жёсткую гриву коня, побелев на костяшках.

«Я не хочу туда».

Память Эллары или то, что от неё осталось, билась в черепе, как птица в клетке. Она помнила эти стены. Помнила, как её везли сюда в свадебной карете. Помнила надежду, которая ещё теплилась в её груди. А я помню, как эта надежда умерла вместе с ней в родовом склепе.

— Тр-р-р.

Валиан натянул поводья, и конь перешёл на шаг перед подъёмным мостом. Копыта гулко застучали по дереву.

Я подняла голову и увидела, как воздух над воротами рябит, словно над раскалённым летним асфальтом. Будто мираж в пустыне.

Магический купол. Та самая защита, о которой говорил Эдриан. Барьер из древней драконьей магии, непроницаемый для любого, кто не принадлежит к роду де Крестов.

Мы проехали сквозь барьер.

Кожу закололо, словно тысячей мелких иголок, будто разрядом статического электричества. В ушах тонко зазвенело, как от перепада давления. Волоски на руках встали дыбом. Шрам на груди вспыхнул болью и тут же затих.

«Запоминай ощущения, Энн», — прошептал внутренний голос, подозрительно похожий на вкрадчивый голос вампира. — «Тебе придётся это сломать».

Во дворе нас уже ждали.

Слуги с факелами выстроились в два ряда, образуя живой коридор из огня. Конюхи в простых холщовых рубашках бросились к стремени, готовые принять лошадь. Охранники на стенах замерли, вглядываясь в темноту за спиной генерала — не привёл ли хвост.

— Генерал вернулся!

Крик разнёсся по двору, передаваясь от стражника к стражнику. Замок ожил, просыпаясь от дрёмы.

Валиан легко и пружинисто, как хищник, спрыгнул на брусчатку первым.

— Спускайся.

Я замешкалась. Затекившие ноги не слушались. Тело одеревенело от страха и холода, отказываясь подчиняться командам мозга.

— Сама или помочь?

Он не стал ждать ответа.

Жёсткие руки без церемоний ухватили меня за талию и сдёрнули с седла. Мир кувыркнулся. Секунда полёта и мои ноги коснулись земли.

Колени подогнулись мгновенно. Каблуки скользнули по влажным камням, покрытым ночной росой. Я бы упала — лицом в брусчатку, позорно и больно — если бы он не прижал меня к себе, не давая осесть.

Его рука на моей талии была горячей даже сквозь ткань платья. Его грудь под мундиром твёрдой, как каменная стена.

— Держись, — буркнул он мне в макушку. Его дыхание обожгло кожу головы. — Не вздумай падать. Поднимать не буду.

Мы стояли в центре двора в кольце слуг и стен, которые давили со всех сторон. Я огляделась, пытаюсь запомнить расположение, найти возможные пути отхода.

Всё было чужим. Пугающим. Враждебным.

Элара видела этот двор всего раз из окна кареты, когда её привезли на свадьбу. Через час после этого её поволокли умирать в родовой склеп. Тогда она была в полуобмороке от ужаса, накачанная успокоительными настойками мало что запомнила. Но сейчас замок нависал надо мной так же, как тогда над ней — чёрной, давящей, бездушной громадой.

— Милорд!

К нам семенил, гремя связкой ключей, старый дворецкий. Сутулый, седой как лунь, в безупречно отглаженном чёрном сюртуке.

Я втянула голову в плечи, пытаюсь спрятать лицо в высоком вороте платья.

— Бэзил.

Валиан кивнул старому слуге, небрежно передавая ему свой плащ, подбитый мехом.

— Открывай синие покои.

— Синие?

Старик подслеповато прищурился, переводя взгляд с хозяина на меня. В его выцветших глазах мелькнуло удивление.

— Но, милорд, там не топили с прошлой зимы. Пыль, сырость... — он развёл руками, звеня ключами. — Нужно хотя бы пару часов, чтобы проветрить и...

— У меня нет пары часов.

Голос Валиана был жёстким, не терпящим возражений. Голос командира, привыкшего, что его приказы выполняются мгновенно.

— Мне нужно запереть это... — он бросил на меня короткий взгляд, — ...приобретение. Ключи мне. А ты пришли туда служанок с водой, едой и чистым бельём. Живо.

— Как будет угодно, милорд.

Бэзил поспешно снял с кольца тяжёлый старинный кованый ключ и протянул Валиану. На меня он даже не посмотрел. Мало ли кого хозяин привозит среди ночи. Наверняка не первая и не последняя.

— Идём.

Валиан забрал ключ и ощутимо ткнул меня в спину, направляя к дверям замка. Как погонщик, толкающий скотину.

12

Мы вошли в замок.

Холод камня обрушился на меня, как тяжёлое мокрое одеяло. Стены, казалось, источали стужу, впитавшуюся в них за столетия. Эхо наших шагов металось под высокими сводами, отражаясь от стен, множась, создавая иллюзию, что за нами следует целая толпа призраков.

Мы шли по бесконечным, гулким коридорам.

Они казались высеченными прямо в скальной породе. Здесь не было ни картин, ни gobеленов, ни ковров на полу. Никаких украшений, которые можно ожидать в замке древнего рода. Похоже, Валиан презирал уют. Или не нуждался в нём.

Только голый, грубо отёсанный чёрный базальт, который впитывал свет факелов, как губка впитывает воду. Только редкие ниши в стенах, где вместо ваз с цветами скалились черепа убитых магических тварей. Виверны. Мантикоры. Что-то рогатое и клыкастое, чему я не знала названия. Трофеи. Напоминание о том, что хозяин этих стен охотник. Убийца.

Я едва поспевала за ним.

Валиан шагал широко, по-хозяйски, не оглядываясь. Его шаги были бесшумны, несмотря на тяжёлые сапоги. Мои каблуки стучали по камню, как метроном, отсчитывающий последние минуты. Я почти бежала следом, придерживая подол платья, стараясь не смотреть по сторонам — на мёртвые глазницы черепов, на тени, пляшущие на стенах.

Коридоры казались лабиринтом. Одинаковые двери из тёмного дерева. Одинаковые факелы в железных держателях. Одинаковые повороты, ведущие в одинаковую темноту. Если я захочу сбежать, я заблужусь здесь через пять минут. И умру от холода раньше, чем найду выход.

Он резко остановился перед массивной дубовой дверью. Такой же тёмной и мрачной, как все остальные.

Лязгнул замок. Ключ с трудом провернулся в ржавой скважине.

— Входи.

Дверь со скрипом отворилась, и меня обдало затхлым, пыльным запахом. Здесь был ледяной, застоявшийся воздух, который, казалось, не шевелился годами.

Мебель, укрытая белыми чехлами, напоминала сугробы посреди комнаты. Или привидения, застывшие в ожидании. Окна были плотно закрыты ставнями, не пропуская ни луча лунного света.

— Уютно, — не удержалась я, стуча зубами. — Как в склепе.

— Не жалуйся.

Валиан шагнул внутрь, и пространство отозвалось на магию хозяина. Огонь. Без искры, без спички просто вспыхнул. В камине с гулом занялось пламя, жадно пожирая сухие поленья, заготовленные годы назад. Тени метнулись по углам, разбегаясь от света. Стало светлее, теплее, но не уютнее. Уют сюда, похоже, не заглядывал никогда.

— В темнице условия хуже, — добавил он, словно это должно было меня утешить.

Я вошла следом и остановилась посреди комнаты, стараясь ни к чему не прикасаться. Пыль лежала повсюду — на полу, на чехлах, на каминной полке. Следы наших ног отпечатывались на ней, как на свежем снегу.

Валиан прикрыл дверь за собой. Щелчок замка прозвучал как приговор, отсекая нас от внешнего мира.

— Располагайся.

Он прошёл к камину и, медленно, палец за пальцем, стянул перчатки. Бросил их на каминную полку, подняв облачко пыли. Его руки были сильными, с длинными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями.

— У тебя есть час, чтобы привести себя в порядок. Потом я жду ответов.

— На какие вопросы? — спросила я, стараясь не смотреть на его руки. На его лицо. На что угодно, кроме него.

— На все.

Он развернулся ко мне. Свет камина играл на его лице, превращая красивые черты в жёсткую маску.

— Кто ты. Откуда ты взялась в Грейхолде. Почему у тебя пустая аура. И какого демона ты пыталась лечить вампира, вместо того чтобы бежать, как любой нормальный человек.

Он сделал шаг ко мне, вторгаясь в личное пространство.

— И не вздумай мне врать, Энн.

Моё имя в его устах прозвучало как угроза.

— Я чувствую ложь. Обычно по изменению ауры. У тебя аура, почти как у мертвеца. Но пульс...

Он вдруг протянул руку и коснулся пальцами моей шеи. Там, где билась жилка. Там, где кровь пульсировала под тонкой кожей, выдавая страх.

Его пальцы были горячими и сухими. Как раскалённое железо. Как клеймо.

— ...пульс у тебя сейчас за двести. — Его голос стал тише, почти интимным. — Ты боишься меня.

— А я должна радоваться?

Я дёрнулась, пытаюсь отстраниться, но он не убрал руку.

— Вы похитили меня. Привезли в крепость посреди ночи. Заперли в комнате, которая не видела солнца годами. Простите, что не прыгаю от восторга.

— Я спас тебя от полевого суда.

Он произнёс это спокойно, даже не повысив голоса. Как констатацию факта.

— По законам военного времени пособников вампиров казнят на месте. Без суда. Без следствия. Оставь я тебя там, мои офицеры не стали бы тратить время на допросы. Просто сожгли бы вместе с руинами театра. А здесь...

Он провёл большим пальцем по моей скуле, стирая пятно копоти. Жест был неожиданным. Почти интимным. Если бы не ледяной холод в его золотых глазах.

— ...здесь у тебя есть шанс.

Его палец замер на моей щеке. Горячий. Шершавый от мозолей.

— Умойся.

Он резко убрал руку, словно обжёгся о моё лицо. Отступил на шаг. Его черты снова стали жёсткими.

— Ты похожа на трубочиста. И смой эту гадость с рук. Меня раздражает запах мёртвого вампира в моём доме.

Он развернулся и направился к выходу. Каждый его шаг был чётким, уверенным, командирским.

— Еду принесут. Из комнаты не выходить. Окна не открывать — там защитные заклинания, останешься без рук. Попытаешься сбежать через дверь — далеко не уйдёшь. Это крепость. Из неё не бегут.

— Спасибо за предупреждение, — буркнула я ему в спину. — Очень гостеприимно.

Дверь за ним захлопнулась. Шаги удалились по коридору и стихли.

Я осталась одна.

Ноги тут же отказались меня держать. Колени подогнулись, и я осела на пыльный ковёр, поднимая облачко серой взвеси. Тишина. Только треск поленьев в камине. Только стук моего собственного сердца в ушах.

Живая. В крепости де Крестов. В логове дракона.

Взгляд упал на ладони. Они всё ещё были серыми от пепла. Пепла сгоревшей вампириши. Прах въелся в кожу, забился под ногти.

Желудок скрутило спазмом от ужаса.

Кое-как добравшись до умывальника в углу, старого, фаянсового, с выщербленным краем, я перевернула кувшин. Ледяная вода обожгла пальцы, приводя в чувство. Холод — это хорошо. Холод — это реальность.

Тереть. Скоблить. Сдирать грязь до красноты, до боли. Смывать прах. Смывать фантомное ощущение горячих пальцев Валиана на своей шее. Смывать этот бесконечный, кошмарный день.

— Выберусь.

Шёпот, адресованный собственному отражению в тёмной воде, прозвучал как клятва.

— Я врач. Я выживала в московских дворах с наркоманами и пьяницами. Я могу работать даже в аду. И этот ад — не исключение.

В этот момент монета в сапоге вдруг нагрелась.

Тепло было мягким, почти ласковым. Как прикосновение заботливой руки. Вибрация прошла по ноге вверх, поднялась к бедру, к животу, к груди. Добралась до головы.

«Ты на месте, милая?»

Голос Эдриана прозвучал у меня в голове так чётко, словно он стоял за спиной. Вкрадчивый. Насмешливый. Хозяйский.

Я вздрогнула, едва не опрокинув кувшин.

«Не пугайся. Это ментальная связь через артефакт. Удобная штука. Ее изобрели ещё до падения древней империи. Я вижу, ты добралась. Умница. Хорошая девочка».

— Убирайся из моей головы, — прошипела я в пустоту, озираясь по сторонам. Комната была пуста.

«Не могу. Мы партнёры, помнишь? Слушай внимательно, времени мало».

Его голос стал серьёзнее, деловитее.

«Ты внутри, но я снаружи. Замок закрыт магическим куполом, ты чувствовала его на въезде? Покалывание, звон в ушах? Это он. Если я или любой из моих людей попытаемся пройти — нас испепелит на месте. Мгновенно. Без шансов».

— И чего ты от меня хочешь? — огрызнулась я шёпотом. — Чтобы я разрушила стены голыми руками?

«Нет. Я хочу, чтобы ты отключила защиту».

Пауза. Я почувствовала, как он улыбается. Даже на расстоянии, даже через ментальную связь.

«Источник купола — «Сердце Крепости». Древний кристалл-накопитель, созданный первыми де Крестами. Он питает защиту замка уже тысячу лет. И он всегда находится рядом с хозяином, в его личном кабинете или спальне. Найди его. Погаси. И тогда я и мои люди сможем войти».

— Я не воровка! — Мой голос сорвался на шипение. — И я понятия не имею, как выглядят магические кристаллы! Я врач, а не маг!

«Ты хочешь, чтобы Марта жила?»

Вопрос ударил под дых. Я замолчала.

«Найди кристалл, Энн. Он будет тёплым на ощупь — тёплым, как живое сердце. Всего-то и нужно, что соблазнить дракона. Получи доступ в спальню. Ты его жена, вы связаны магией. Кристалл тебе подчинится».

Голос стих, оставив после себя гадкое ощущение липкости в голове. Словно кто-то залез туда грязными пальцами и пошарил. Монета остыла, снова превратившись в обычный кусок металла.

Я опустилась на край кровати, прямо на пыльное покрывало, подняв облако серой взвеси, и обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь.

Задача ясна.

Мне нужно попасть в спальню к дракону, который однажды уже убил меня. Проникнуть в его святая святых. Найти магический артефакт. Отключить защиту замка. И впустить орду вампиров.

Зачем им замок? Власть? Сокровища? Мечь? Мне было всё равно. Главное, чтобы они не тронули Марту. Не тронули Томаса. Не тронули тех немногих людей, которые стали мне дороги в этом проклятом мире.

13

В дверь деликатно, но настойчиво поскреблись.

Я вздрогнула, вскакивая на ноги. Сердце подпрыгнуло к горлу.

Не дожидаясь приглашения, в комнату семенящей походкой вошли три служанки. Молодые, неприметные, одетые в одинаковые серые платья с белыми передниками. Лица опущенные, глаза в пол. Идеальная прислуга, которая ничего не видит и ничего не слышит.

Они двигались слаженно и молча, как хорошо смазанный механизм. Одна тащила тяжёлые медные кувшины, от которых валил пар. Другая несла стопку пушистых полотенец и чистую ночную сорочку. Третья водрузила на столик у кровати поднос, накрытый серебряной крышкой.

Комнату мгновенно наполнили запахи.

Жареное мясо. Розмарин. Свежий хлеб с хрустящей корочкой.

Рот наполнился слюной. Желудок, который с ужина питался только страхом и адреналином, скрутило болезненным спазмом.

Но есть основательно сил не было. Тело требовало пищи, а разум отказывался. Я подошла к столу, подняла крышку, выудила из вазы зелёное яблоко и с жадностью вгрызлась в него.

Кислый сок брызнул на язык, немного проясняя мысли. Сахар. Глюкоза. Энергия для мозга. Мне нужно думать. Мне нужно планировать.

Служанки тем временем наполнили большую деревянную купель, стоящую у стены. Пар поднимался над водой, наполняя комнату влагой и теплом. Они добавили какие-то травы и аромат смешался с запахом еды, создавая странную, почти домашнюю атмосферу.

Закончив, они так же бесшумно испарились, оставив меня наедине с паром, едой и тревогами.

Я доела яблоко и сбросила грязное, испорченное платье.

Бархат с шорохом упал к ногам, превратившись в бесформенную кучу тряпья. Платье Марты было безнадежно испорчено. Прожжено в нескольких местах, порвано, пропитано потом, пеплом и страхом. Мне придётся ей объяснять...

Если я вообще её увижу.

Я забралась в купель.

Вода была обжигающей, именно такой, какая нужна. Жар проник в мышцы, растворяя напряжение. Я погрузилась по шею, чувствуя, как холод медленно покидает тело.

Я до красноты и боли тёрла кожу жёсткой мочалкой. Смывала пепел чужой смерти. Смывала въевшуюся в поры грязь и прикосновения Эдриана. Смывала фантомное ощущение горячих пальцев Валиана на шее.

Вода вокруг меня мутнела, становясь грязно-серой. Я смотрела на неё и думала.

«Соблазни его», — звучал в голове вкрадчивый голос вампира.

Легко сказать. Как соблазнить того, кто однажды уже хладнокровно вогнал тебе кинжал в грудь? Кто смотрел, как ты истекаешь кровью, и даже не моргнул? Кто вытер руки платочком и ушёл, не оглянувшись?

Элара была красивой. Молодой. Покорной. Она делала всё, что от неё требовали, — улыбалась, кланялась, говорила правильные слова. И это её не спасло. Валиан использовал её и выбросил, как сломанный инструмент.

Играть в нежную фиалку бессмысленно. Он не ценит покорность. Он вытирает о неё ноги.

Я откинула мокрые волосы назад, глядя в потолок. Потрескавшаяся штукатурка. Паутина в углу. Следы протечки, похожие на карту неизвестного континента.

Сегодня он не убил меня. Не потому что я была милой и покорной. А потому что я орала на несуществующую медсестру, пыталась реанимировать умирающего вампира посреди бойни и смотрела на самого страшного человека в империи не как на божество, а как на проблему.

Я стала для него загадкой. Аномалией.

Значит не надо притворяться. Не надо пытаться быть кем-то другим. Драконы — хищники. Их не интересует лёгкая добыча, которая сама прыгает в пасть и благодарит за честь быть съеденной. Их интересует то, что сопротивляется. То, что непонятно. То, что бросает вызов.

Вода начала остывать, и кожа покрылась мурашками. Я встала, чувствуя, как струи воды стекают по спине, и потянулась за огромным пушистым полотенцем, лежащим на стуле.

В этот момент дверь распахнулась.

Без стука. Без предупреждения. Просто распахнулась, впуская в комнату сквозняк и высокую фигуру в чёрном мундире.

Валиан.

Зачем стучать хозяину, входящему к своей пленнице? Зачем соблюдать приличия с добычей, которая и так никуда не денется?

Я не успела ни прикрыться, ни нырнуть обратно в воду. Просто замерла. Мокрая, голая, с полотенцем в руке, которое так и не успела развернуть.

Он тоже замер.

В упор глядя на меня.

Его рука, затянута в чёрную кожаную перчатку, так и осталась лежать на дверной ручке. Тело застыло на полушаге. Золотые глаза, в которых ещё секунду назад читалось лишь холодное нетерпение, потемнели. Изменились.

Вертикальные зрачки резко расширились, поглощая радужку. Превращая глаза в два бездонных чёрных колодца с золотой каёмкой по краям.

Время остановилось.

Я стояла перед ним и не могла сделать ни вдоха, ни выдоха. Воздух застрял в горле, отказываясь двигаться.

Генерал медленно, очень медленно, очень внимательно, скользнул взглядом по моему лицу. По мокрым волосам, прилипшим к плечам.

Потом взгляд спустился ниже. К ключицам. К груди.

На долгое почти бесконечное мгновение задержался на шраме. На уродливом бугристом шраме под левой грудью, который оставил его ритуальный кинжал полгода назад.

И снова вернулся к глазам.

В звенящей тишине комнаты стало слышно, как изменилось его дыхание. Оно стало тяжёлым, глубоким, с едва слышным рокочущим присвистом в груди. Как урчание зверя. Как надвигающийся рык дракона.

А я...

А я перевела взгляд на сапоги, стоявшие у купели. Сапоги, которые я сбросила, забираясь в воду.

В правом лежала золотая монета.

Твою. Мать.

14

— Любопытно.

Голос Валиана прозвучал спокойно. Слишком спокойно. Как тишина в операционной, когда все уже знают, что пациент умрёт, но ещё делают вид, что борются.

Он сделал шаг внутрь и закрыл за собой дверь. Сквозняк отрезало. Воздух в комнате сгустился, стал тяжёлым, давящим.

Валиан медленно, не сводя с меня взгляда, стянул перчатку с правой руки. Палец за пальцем. Как на допросе. Бросил её на стол, к подносу с нетронутой едой.

— Ты показалась мне знакомой в первую нашу встречу, — произнёс он задумчиво. — Там, в лавке. Что-то в чертах лица. В повороте головы. Но я отмёл эту мысль. Решил, что мог видеть тебя где угодно или просто путаю с кем-то. Мало ли похожих людей на свете.

Он сделал ещё один шаг. Половицы под его сапогами даже не скрипнули.

— А у ратуши я невольно сравнил. Потому что ты напомнила её. Слишком сильно напомнила. Те же глаза. Тот же изгиб шеи. Линия подбородка. Но аура...

Его взгляд оп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.